

Ужасный
Круиз

18+

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*
Л.ДЖ. ШЭН

Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн

Л. Дж. Шэн

Ужасный Круз

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шэн Л.

Ужасный Круз / Л. Шэн — «Эксмо», 2021 — (Freedom.
Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн)

ISBN 978-5-04-189900-4

Я бы сказала, что доктор Круз Костелло — мой заклятый враг. Но тогда пришлось бы признать его существование. Он — любимец всего города. Знаменитый квотербек в прошлом, теперь — потрясающий врач. Я — девушка, которая работает в закусочной. Когда брат Круза и моя сестра решили обручиться, родители Костелло пригласили обе семьи в предсвадебный круиз. Вот только мы с Крузом оказались на другом корабле. Отдельно от всех остальных. А теперь представьте десять ужасных, невыносимых дней в море с мужчиной, которого я на дух не переношу. Но на фоне пьянящего бриза всплывают самые потаенные секреты, и у меня остается лишь один вопрос... Влюблюсь ли я снова?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-189900-4

© Шэн Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	7
Один	8
Два	19
Три	24
Четыре	28
Пять	34
Шесть	44
Семь	49
Восемь	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Л. Дж. Шэн

Ужасный Круз

«Если женщина идет не туда, то мужчина движется в правильном направлении за ней».

Мэй Уэст

«Настоящая любовь – это когда вы поете в караоке „Under Pressure“, и ты позволяешь спеть партию Фредди Меркьюри другому».

Минди Калинин

Настоящей миссис Тернер.

Партия Фредди Меркьюри – ваша в любое время.

L.J. Shen

Bad Cruz

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

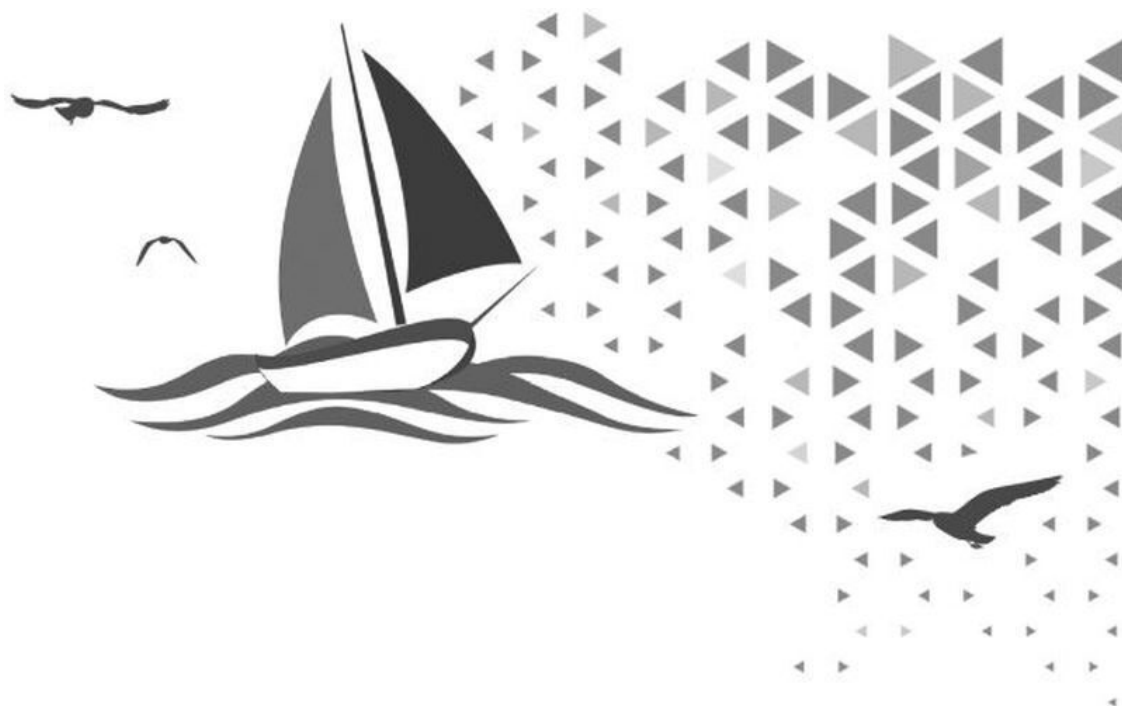
Copyright © 2021. BAD CRUZ by L.J. Shen

The moral rights of the author have been asserted.

© Панкеева Е. И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

* * *

Пролог Теннесси

Важно помнить, что я, Теннесси Лилибет Тернер, не пыталась никого убить.

Послушайте, я не говорю, что в прошлом никогда не помышляла об убийствах, и я не настолько праведна, чтобы заявить: мне было бы ужасно грустно узнать, что некоторые жители (да что там, *большинство*) этого городка нашли свою досадную, безвременную кончину.

Но самой лишить человека жизни?

Нетушки.

Я не способна на это на все сто процентов.

Психологически, я имею в виду.

Физически я могу завалить любую стерву, если действительно решусь это сделать. Я в довольно хорошей форме, потому что целый день провожу на ногах, таская двадцатифунтовые¹ подносы с жирной едой.

В эмоциональном плане я просто не смогу жить, если буду знать, что из-за меня перестало биться чье-то сердце.

А потом еще и в тюрьму придется сесть, это мне тоже не по душе. Не то чтобы я неженка и все такое, но в еде я разборчива, да и никогда не жила с кем-то в одной комнате. Зачем начинать сейчас?

К тому же я вроде как уже достигла лимита грехов за последние три десятилетия. Убить кого-то теперь, извините за каламбур, убийственно излишне. Как будто я присваиваю себе всю плохую прессу, доступную жителям города Фэйрхоуп, Северная Каролина.

Опять эта Неряшка Несси. С нагулянным ребенком, тяготением к дракам и внезапными убийствами.

(Об инциденте с дракой я расскажу, когда настанет время. Для этой истории нужен контекст.)

Итак, теперь, когда мы выяснили, что я *точно*, определенно, безусловно, без сомнений не пыталась никого убить, я должна заявить:

Габриэлла Холланд заслужила свою смерть.

¹ 20 фунтов – около 9 кг.

Один Теннесси

Вероятность того, что я убью кого-нибудь в закусочной в тот солнечный, невзрачный полдень, равнялась девятисто девяти целым девяти сотым процента.

Подросток в желтой толстовке *Дрю*², с разноцветными брекетами и обкуренным выражением лица намеренно уронил вилку под стол у красного винилового диванчика, на котором устроился.

– Упс, – криво усмехнулся он. – Какой я неуклюжий. Поднимешь или как?

Он одарил меня ухмылкой, состоящей из металла и кусочков бельгийских вафель. Трое его дружков загоготали, пихая друг друга локтями и многозначительно подмигивая.

Я равнодушно посмотрела на него, размышляя, отравить или задушить. Яд, решила я, подойдет больше. Может быть, это и оружие трусов, но, по крайней мере, я не рискну сломать ноготь.

Острые и покрытые гелем ногти, как у Карди Би, были мне дороги.

А его шея – бесспорно нет.

– У тебя что, нет рук?

Я лопнула шар из розовой жвачки прямо у его лица, хлопая накладными ресницами и играя назначенную мне этим городком роль пустоголовой белобрысой куколки, малограмотной и обреченной веки вечные подавать бургеры.

– Есть, и я с удовольствием покажу тебе, на что они способны.

Его друзья взвыли, некоторые даже закашлялись, хлопая в ладоши и наслаждаясь представлением. Я почувствовала, что Джерри, мой босс, смотрит на меня из-за стойки, яростно вытирая ее тряпкой примерно того же возраста, что и я.

Его взгляд говорил не сплюнуть «случайно» жвачку в их разливную газировку (Тим Трапп это предвидел. Он уже намекал, что я должна стать проституткой, чтобы оплатить колледж сыну). По-видимому, мы не могли позволить себе ни судебные издержки, ни сомнительную репутацию.

Джерри был владельцем «Джерри и сыновья». Единственная проблема с этим замечательным названием заключалась в том, что никаких сыновей не было.

То есть *были*, конечно.

Парни живы и все такое, но они просто-напросто лентяи, спустившие свои незаработанные деньги на женщин, азартные игры, алкоголь и финансовые пирамиды. Именно в таком порядке.

Я знала, о чем говорю, потому что это они должны были работать здесь посменно, и все же большую часть времени здесь работала только я.

– Проблемы, Тернер? – Джерри жевал табак. Листья придавали его зубам странный желтоватый оттенок мочи. Он многозначительно посмотрел на меня из-за прилавка.

Блин.

Пришлось сцепить зубы и сделать, что нужно.

Но я не выносила озабоченных подростков, которые приходили только для того, чтобы заглянуть мне под платье.

Официантки Джерри (или, точнее, только я, так как была здесь единственной официанткой) носили довольно откровенные платья, потому что, по его словам, благодаря этому они

² Толстовка фирмы «Дрю», основателем которой является Джастин Бибер.

(опять же я) получали больше чаевых. Вовсе нет. Нечего и говорить, что форма была обязательной. В бело-розовую полоску и короче некуда.

Поскольку я была довольно высокой, половина задницы оказывалась на виду, стоило мне в этом наряде наклониться. Можно было бы присесть на корточки, но тогда я рисковала показать кое-что более интимное, чем ягодичы.

– Ну? – Парнишка в желтом худи стукнул кулаком по столу, отчего зазвенела посуда, а тарелки с горячими пышными вафлями подлетели на дюйм. – Мне что, придется повторить? Все знают, почему ты в этом платье, и вовсе не потому, что тебе нравится ветерок.

«Джерри и сыновья» была той самой закуской в маленьком городке, которую вы видели в кино и думали, что *такая дыра не может существовать на самом деле*.

Клетчатый черно-белый линолеум, выдавший лучшие времена, – возможно, в восемнадцатом веке. Потрепанные красные виниловые диванчики. Музыкальный автомат, который внезапно и без предупреждения выдавал «All Summer Long» Кида Рока.

И в подтверждение славы Джерри – стена, увешанная фотографиями, на которых он обнимает знаменитостей, остановившихся в нашем городке (а именно, двух профессиональных бейсболистов, запутавших по дороге в Уинстон-Салем, а также танцовщицу Мадонны, которая на самом деле приехала сюда специально, но только чтобы попрощаться с умирающей бабушкой, и выглядела как женщина, только что лишившаяся родного человека).

Еда была в лучшем случае сомнительной, а в худшем – опасной; все зависело от того, был ли наш повар, Коултер, в настроении вымыть овощи и птицу (в одной чашке) перед тем, как их приготовить. Он правда был отличным парнем, но я бы предпочла толченное стекло тому, чего касались его руки.

Тем не менее закусочная была забита до отказа: подростки посасывали молочные коктейли, дамы наслаждались прохладительными напитками после шопинга на Главной улице, а семьи заходили на ранние ужины.

То, чего «Джерри и сыновьям» не доставало в стиле и вкусе, они компенсировали своим элементарным существованием: это была одна из немногих закусочных в округе.

Фэйрхоуп был настолько маленьким городом, что найти его можно было только с помощью микроскопа, карты и больших усилий. Он был таким маленьким, как член самого ужасного бывшего. И еще этот город был настоящей капсулой времени.

Здесь была всего одна школа, где обучались дети в начальных и средних классах, один супермаркет, одна заправка и одна церковь. Все знали всех. Ни один секрет не ускользал от группы пожилых тетюшек, которые каждый день играли в бридж под руководством миссис Андервуд.

И все знали, что я растяпа.

Паршивая овца.

Блудница, безрассудная, порочная женщина.

Полагаю, в этом и заключалась главная ирония Фэйрхоупа – он был несправедлив и не давал никакой надежды³.

Боковым зрением я заметила Круза Костелло, занимавшего диванчик со своей подружкой месяца, Габриэллой Холланд. У Габби (она ненавидела, когда ее так называли, поэтому я именно так и делала, пусть и в своих мыслях) были невероятно длинные ноги, каждая шириной со спичку, цвет лица как у новорожденного младенца и, возможно, такие же интеллектуальные способности.

Ее блестящие черные волосы длиной до пояса делали ее похожей на потерянную Кардашьян (Кабриэлла, как вам?), кроме того, она была столь же требовательной, внося эксцентричные изменения в заказываемые блюда.

³ Fairhope – (англ.) справедливая надежда.

Например, тройной говяжий бургер в стиле Элвиса⁴ с большой порцией сырного картофеля-фри превращался в бургер с органическими вегетарианскими продуктами свободного выращивания с пониженным содержанием жира, без булочки, без картофеля фри, с дополнительными листьями рукколы и без заправки.

Как по мне, ни один просвет между бедрами не стоил того, чтобы есть как хомячок. Но Коултер все равно соглашался со всеми требованиями, потому что Габби всегда причитала, если на ее тарелке от съеденной еды оставалось масляное пятно.

– Да брось, Неряшка Несси. Подними вилку, и продолжим, – прошипел подросток, выводя меня из ступора.

Мои щеки вспыхнули.

Пока Круз сидел ко мне спиной, Габриэлла, как и остальные посетители закуской, напряженно наблюдала за мной, ожидая развития ситуации. Я бросила еще один взгляд на Джерри, затем вздохнула, решив, что не стоит из-за этого увольняться, и наклонилась, чтобы поднять вилку с пола.

Две вещи произошли одновременно.

Сначала я почувствовала, как этот придурок ущипнул меня за зад.

Затем увидела сзади вспышку камеры телефона, потому что кто-то меня сфотографировал.

Я обернулась, отмахнувшись от его руки, мои глаза горели так, будто я только что открыла их в бассейне, полном хлорки.

– Какого черта? – прорычала я.

Парень со злобной ухмылкой смотрел на меня, жуя соломинку от молочного коктейля.

– Я слышал истории про тебя, Неряшка Несси. Ты любишь проскальзывать за трибуны с мальчишками, да? Могу отвезти тебя обратно на место преступления, если ты скучаешь по былым временам.

Я уже готова была вот-вот потерять самообладание, работу, свободу и *действительно* убить этого пацана, но его спасла (южная) красавица.

– Официантка? Эй, можешь мне помочь? – Габриэлла помахала рукой, небрежно тряхнув блестящими волосами.

Я ткнула в пацана пальцем:

– Надеюсь, ты подавишься этой соломинкой.

– Надеюсь, ты подавишься *моей* соломинкой.

– Которая, полагаю, такого же размера, как и та, что у тебя во рту.

– *Тернер!* – рявкнул Джерри, внезапно обратив внимание на нашу перепалку.

– Ладно, ладно, – пробормотала я.

Единственное, что меня утешало, так это то, что с таким лицом и пикаперскими фразами пацан в толстовке *Дрю* наверняка останется девственником до тридцати лет.

Тем не менее то, что я должна была сохранить эту работу, чтобы иметь возможность обеспечивать Мишку, было отвратительно. Найти работу в Фэйрхоупе было нелегко, особенно с моей репутацией. Но втайне я всегда хотела накопить достаточно денег, выучиться тому, что мне нравится, и найти другое место.

Я направилась к диванчику Габриэллы и Круза, слишком злая, чтобы почувствовать привычное волнение, которое всегда возникало при общении с любимчиком нашего городка.

Круз Костелло был и всегда будет кумиром Фэйрхоупа.

⁴ Имеется в виду любимое блюдо Элвиса Пресли – в традиционный американский бургер с говядиной добавляется банан и арахисовое масло.

Когда мы учились в средней школе, он написал письмо президенту, да такое красноречивое, такое обнадеживающее, такое *трогательное*, что он и его семья были приглашены на церемонию Дня благодарения в Белый дом.

В старших классах Круз стал квотербеком⁵ и вывел старшую школу Фэйрхоупа в финал чемпионата штата – один раз за всю историю школы.

Он также был единственным жителем Фэйрхоупа, который когда-либо учился в университете Лиги Плюща.

Великая Надежда Фэйрхоупа (Ага. Я взялась за каламбуры. Смиритесь.)

Он был тем, кто принял роды у Дианы Хадженс в *грузовике под звуки бушевавшей бури* в канун Рождества и заслужил фотографию в местной газете, на которой с улыбкой держал на руках плачущего ребенка, а кровь стекала по его мускулистым предплечьям.

Ко всему прочему, после окончания колледжа Круз пошел по стопам вышедшего на пенсию отца и стал любимым семейным врачом в городе.

Он, судя по всему, был святее воды, по которой ходил Иисус, добродетельнее матери Терезы и, что, пожалуй, самое страшное, сексуальнее Райана Гослинга.

В закускойной.

Высокий, поджарый, гибкий. Со скулами, которые, честно говоря, нужно было запретить.

У него даже были порноусы, которые, к его абсолютному неведению, придавали еще больше сексуальности. Во всем городе не было ни одной женщины, которая не хотела бы увидеть свои соки на них.

Даже одежда слепого главного бухгалтера, а именно брюки цвета хаки, безупречно белые носки и рубашка поло, не могли отменить того факта, что этот мужчина до неприличия подходил для позы наездницы.

К счастью – я использую этот термин не совсем точно, потому что в моей жизни не было ничего счастливого, – я была настолько в ужасе от самого существования Круза, что оказалась практически невосприимчива к его привлекательности.

Я остановилась у их столика, прислонилась бедром к потертому диванчику и принялась громко жевать жвачку, чтобы скрыть нервную икоту, возникшую от прикосновений того пацана. Всякий раз, когда у меня возникало желание постоять за себя, я вспоминала, что в этом городе мои перспективы получить работу тоньше, чем талия Габби. Воспитание тринадцатилетнего подростка обходилось недешево, и, ко всему прочему, переезд к родителям даже не рассматривался. Я не ладила с мамой Тернер.

– Доброго вам утречка. Чем могу помочь команде «наглых и красивых» Фэйрхоупа?

Габриэлла недовольно сморщила курносый нос. На ней были обычные узкие джинсы, дорогая белая кашемировая шаль и неброские украшения, что придавало ей шикарный неприжженный (и, возможно, французский) вид.

– Как дела, Несси? – спросила она, почти не шевеля губами.

– Что ж, Габриэлла, каждое утро я просыпаюсь не на той стороне капитализма, уверена, что моя машина вот-вот умрет, да и спина не молодеет. В общем, все неплохо, спасибо, что спросила. Как сама?

– Я только что заключила большой контракт с косметической компанией, который, вероятно, принесет моему блогу большую популярность, так что все очень хорошо.

– Замечательно! – проворковала я, изо всех сил стараясь не замечать Круза.

Габриэлла занималась тем, что выкладывала в социальные сети свои фотографии и видео, в которых пробовала новые продукты и заставляла людей верить, что они могут выглядеть как она, если тоже будут ими пользоваться.

⁵ Квотербек – лидер команды нападения в американском футболе, называет построение команды на поле и комбинацию, которая будет разыграна.

Она протащила свою тарелку по столу, как будто на ней лежаладохлая крыса.

– Слушай, я не хочу быть тем самым человеком, но я не думаю, что мой бургер с индейкой... ну, знаешь...

– Приготовлен? – Я изогнула бровь. *Или с индейкой...*

– Органический, – прошептала она, неловко поерзав на месте.

О, да она Шерлок.

Неужели она думала, что находится в «Плюще»⁶? Габриэлла должна радоваться, что листья салата хотя бы помыли, а булочка не из мусорки.

– Скорее всего, нет, – согласилась я.

Она нахмурила брови.

– Ну, я специально просила органический.

– А я специально просила выигрышный лотерейный билет и горячее свидание с Бенисио дель Торо⁷. Похоже, у нас обоих плохой день, дорогуша, – я снова лопнула жвачку.

Круз хранил молчание, как и каждый раз, когда я находилась рядом. Впрочем, нам всем было неловко, потому что Габриэлла Холланд была лучшей подругой моей младшей сестры Тринити. А моя милая младшая сестра обручилась с Уайаттом – старшим братом Круза.

Похоже на сюжет ток-шоу? Да, я тоже так думаю.

Это означало, что теоретически я должна была быть милой с обоими этими отвратительными гаденышами. Но пока Круз намеренно старался не признавать мое существование, я, напротив, была бы крайне рада высказать ему все, что я о нем думаю.

– Полагаешь, что такое отношение поможет получить чаевые? – недоверчиво спросила Габриэлла, сложив руки на груди. Будучи лучшей подругой моей сестры, она обходилась со мной, как с сухим лошадиным дерьмом на подошве ее туфель на шпильке.

– Полагаю, что не в моих обязанностях знать, из чего готовят бургеры в этой закуской, – ответила я.

– Может, будь ты добрее и исполнительнее, у твоего бедного сына было бы больше возможностей.

Так. Это уже слишком. Она действительно упомянула Мишку.

Гнев пронзил меня насквозь.

– Ну, если бы ты была чуть-чуть красивее, возможно, не заняла бы третье место на конкурсе «Мисс Америка», – мило улыбнулась я.

Очевидно, что и я была готова перейти черту.

Глаза Габриэллы наполнились слезами, а подбородок сморщился и задергался, как желе, пока она закипала.

– Я хотела бы поговорить с руководством! – закричала она.

– О, ты про главного босса? – спросила я. – Того, кто отвечает за всю эту кулинарную империю? – Я сделала вид, что сдвинулась на полдюйма, чтобы повернуться к Джерри. – Руководство! Третий столик хочет с вами поговорить.

Джерри обогнул стойку и сплюнул табак в стоящую рядом урну. Выглядел он грозно, я вновь повернулась к счастливой паре.

– Могу ли я еще что-нибудь для вас сделать? – Моя шелковая улыбка была такой же большой и фальшивой, как грудь Габриэллы. – Может быть, предложить бесплатное белое трюфельное масло, пока вы ожидаете? Или немного фуа-гра?⁸ – Я постаралась четко произнести «с», чтобы сохранить образ необразованной дурочки.

⁶ «Плющ» – британский ресторан, популярный среди знаменитостей.

⁷ Американский актер пуэрто-риканского происхождения.

⁸ Фуа-гра – нежный паштет из печени гуся или утки.

Я определенно поступала не себе во благо. Но, блин, сексуальные домогательства со стороны ребенка, ровесника моего сына, и нравоучения от подружки моей младшей сестры просто довели меня до ручки.

– Вообще-то, да. Не могу поверить, что Тринити...

Язвительное замечание Габриэллы было прервано задыхающимся кашлем с диванчика номер пять, на котором сидел Руки Загребущие собственной персоной.

– Боже мой!

– Господи! Нет!

– Он подавился! Он подавился соломинкой!

Карма, должно быть, услышала мои молитвы и решила вмешаться, потому что парень, который ушипнул меня за задницу, теперь лежал на полу, схватившись за шею, с широко распахнутыми и покрасневшими глазами, и судорожно бился, пытаясь вдохнуть.

Вся закусовая обезумела. Люди бегали туда-сюда, опрокидывали стулья, женщины визжали. Кто-то позвонил в службу спасения. Другой человек предложил перевернуть его на живот. А один из его дружков записывал все на телефон, как будто людям и так не хватало причин не доверять представителям поколения Z.

И вот за дело взялся он.

Доктор Круз Костелло бежал, словно в замедленной съемке, к ребенку, его песочные волосы развевались, как в «Спасателях Малибу».

Он обхватил грудь моего обидчика, сделал поддиафрагмальный толчок, помогая парню выкашлять кусок соломинки, которым тот подавился, и в очередной раз спас положение.

Музыкальный автомат, как по команде, начал выкрикивать песню Кида Рока «All Summer Long».

Не то чтобы я искренне хотела, чтобы этот пацан умер.

Быть говнюком не грех, наказуемый смертью. Но тот факт, что вся закусовая проигнорировала открытое сексуальное домогательство, которому я подверглась, шокировал, если не полностью удручал.

А теперь вдобавок еще и Круз Костелло, высокий, мускулистый и бодрый, купался в комплиментах, которыми осыпали его все вокруг.

– ...спас жизнь мальчику! Как мы можем отблагодарить вас? Вы – достояние Фэйрхоупа, доктор Костелло!

– ...когда тебе было три года, я сказал твоей матери, что ты станешь кем-то выдающимся, и что же? Я снова оказался прав.

– Моя дочь возвращается из колледжа в следующем году. Вы уверены, что остановились на Габриэлле, дорогой? Я бы хотела, чтобы вы с ней познакомились.

Я прислонилась к прилавку, глядя с прищуром на разворачивающуюся сцену.

Один из друзей подростка позвонил его матери, которая должна была его забрать. Джерри пытался успокоить посетителей, объявив, что все получают бесплатное мороженое, а Габби вцепилась в руку своего парня, словно пришитая к нему хирургическим путем, и суетливо шептала что-то на ухо, метя территорию.

Круз попытался заплатить Джерри, но Джерри преувеличенно серьезно покачал головой.

– Ваши деньги здесь ни к чему, доктор Костелло.

К счастью для доктора Костелло, его деньги были желанны в моем кармане. Я оттолкнулась от прилавка и направилась к нему, протягивая раскрытую ладонь.

– А вот я готова получить чаевые.

У Габриэллы открылся рот.

Из него должно было вылететь нечто грубое – то, что моя сестра была ее лучшей подружкой и мы обе должны были стать подружками невесты Тринити менее чем через два месяца, не имело значения.

Сегодняшний день укрепил мнение о том, что в Фэйрхоупе я была отличной мишенью, и каждый имел право, дарованное самим Господом Богом, плохо ко мне относиться. Но Круз остановил Габриэллу, похлопав ее по плоской заднице, лениво и однобоко ухмыляясь.

Он знал, что я терпеть не могу его поведение всеобщего любимца.

– Подожди в машине, дорогая.

– Но, Кру-у-уз.

Габби топнула ногой, растягивая его имя, и надулась.

– Я разберусь с этим, – заверил он ее.

– Хорошо. Только не слишком любезничай, – угрюмо согласилась она, поймала ключи от машины, которые он бросил, и вышла из закуской.

Мы с Крузом стояли друг напротив друга. Два ковбоя, ожидающие, когда можно будет достать оружие.

– Не хочешь поблагодарить меня?

Его глубокий голос всколыхнул что-то теплое, липкое и непрошеное у меня в груди. У него было тело Джастина Хартли⁹, к которому так и хотелось прижаться.

– За что? – удивилась я. – За то, что существуешь, или за то, что ты только что выполнил свой долг, будучи врачом, или за то, что ты всех бесишь?

– За спасение того ребенка.

– Тот ребенок ущипнул меня за задницу и сфотографировал мои трусики.

– Я этого не знал, – спокойно произнес он.

Я поверила ему, но что с того? Я была настолько зла, что гнев застилал разум.

– Чаевые, или проваливай, – прошипела я.

– Тебе нужны чаевые? – размеренно спросил он, прищулив темно-синие глаза. – Вот тебе вместо этого совет: наберись хороших манер. И побыстрее.

– Извини, – нахмурилась я, делая вид, что рассматриваю ногти. – Советы печенья на удачу – не та валюта, которую я принимаю в настоящее время. А вот наличные или мобильные платежи подойдут.

– Ты правда считаешь, что я дам тебе чаевые после перебранки с Габриэллой?

Он выглядел несколько озадаченно. Как будто, помимо того, что я была пустоголовой куколкой, мой IQ был как у сэндвича с арахисовым маслом. Без желе.

– Вообще-то, да. Она знает, что у нас нет органического мяса или руколы. Тогда почему продолжает это заказывать?

Если он намеревался сказать мне, что покупатель всегда прав, то я бы непременно добавила его в свой постоянно растущий список людей, которых нужно убить. На самом деле он и так был там в первой десятке за каждый раз, когда сталкивался со мной на светских раутах и делал вид, что меня не существует.

– Почему бы тебе не ответить ей прямо? – язвительно парировал Круз. На мгновение – на маленькую, крошечную, ничтожную долю мгновения – я могла поклясться, что его маска старого доброго парня слегка треснула и сквозь нее просочилось раздражение.

– Почему бы тебе не заняться своими делами?

Я заметила, что его взгляд упал на мои губы, когда я это сказала.

Я знала, что на моем лице достаточно косметики, чтобы слепить еще одну фигуру в натуральную величину, и слишком много розовой помады, чтобы кому-то понравиться. Но Круз был Крузом, он никогда не говорил ничего плохого или унижительного ни о ком. Даже обо мне.

Я видела, как раздуваются ноздри его прямого римского носа, когда он сделал успокаивающий вдох и поднял подбородок вверх.

⁹ Американский актер, сыгравший одну из главных ролей в сериале «Это мы».

– Ладно, Теннесси. – Вот еще что: все называли меня Неряшка Несси. Он был единственным, кто обращался ко мне по имени, и это всегда казалось сущим наказанием. – Я займусь своими делами. Начнем прямо сейчас, не против? Ты уже забронировала билеты на круиз?

Ах да.

Поскольку мои родители оплачивали свадьбу Тринити и Уайатта, Костелло – родители Круза – решили пригласить обе семьи в предсвадебный круиз, чтобы мы могли получше узнать друг друга.

Поскольку Костелло часто отправлялись в круизы, они использовали очки лояльности, чтобы забронировать для Тринити и Уайатта каюту для молодоженов и двухместные каюты для себя и моих родителей.

Мой сын, Мишка, практически умолял меня разрешить ему поселиться с моими родителями, у которых в номере будут отдельные джакузи и мини-бар. Поскольку это был его первый в жизни отпуск, я согласилась.

Но это означало, что нам с Крузом все равно нужно было забронировать номера для себя, а поскольку у Круза была «настоящая работа», а у меня – много свободного времени (слова моей мамы, не мои), мне было поручено заняться этим вопросом.

– Все в процессе.

– Я не думал, что бронирование билетов требует таких усилий.

Я погладила себя по жестким, сильно залакированным белокурым волосам.

– Может быть, для тебя это просто. Но у нас, глупышек, на все уходит много времени. Где я могу заказать эти билеты? В этих... интернетах, да? – Я покачала головой. – Это такая штука на компьютере? С коротенькими словечками и видео с котиками?

Он щелкнул челюстью, острой, как лезвие.

Всего один раз.

Но одного раза было достаточно, чтобы вызвать у меня безудержную радость. Всем известно, что Круза Костелло ничто не выводило из равновесия.

– Закажи билеты, Теннесси.

– Да, сэр. Вам нужна двуспальная кровать или, может, королевских размеров?

– Уточняете, беру ли я с собой Габриэлла?

– Или любую другую почти несовершеннолетнюю девушку, соответствующую твоим вкусам.

Это было не совсем справедливо, потому что их разница в возрасте была не самой большой.

Габби была ровесницей двадцатипятилетней Тринити, а Тринити выходила замуж за Уайатта, старшего брата Круза.

Круз сунул руку в передний карман брюк цвета хаки.

Он всегда вел себя непринужденно, что очень раздражало.

– Постарайся не испортить все, когда будешь бронировать, ладно?

Вот тут-то моя маска безразличия соскользнула и разбилась о пол. Может, этот городок и наклеил на меня ярлык той, кто всегда все портит, но, по моему мнению, я его не заслужила.

– Я вполне способна забронировать два билета на круиз.

– Поверю в это, когда увижу своими глазами.

– Знаешь, – задумчиво сказала я, накручивая на палец прядь светлых волос, выбившуюся из моей немодной прически, – ты и вполтину не такой хороший, каким тебя считают люди.

– Я приберег весь яд специально для тебя, – он наклонил свою бейсболку, как ковбой. – Какие-нибудь напутственные слова, Теннесси? Моя спутница ждет меня в машине.

Точно, точно, точно.

Его блестящая Audi Q8, на которой он поедет с его блистательной девушкой в свою блистательную жизнь.

На этот вопрос я ответила средним пальцем, воспользовавшись тем, что все вокруг нас говорили о случившемся с парнем, который подавился соломинкой, а значит, ничего бы не заметили.

Ответ был не самым элегантным, но принес мне невероятное удовлетворение.

* * *

В тот вечер я готова была разрыдаться.

Я старалась не заикливаться на жалости к себе, но некоторые дни выдаются тяжелее других.

Мой сын очень хотел новую игру «Ассассин Крид», но я не могла нам этого позволить. Хуже всего было то, что он даже не попросил ее у меня.

Я узнала об этом от матери, когда разговаривала с ней по телефону, возвращаясь домой с работы, рывками передвигаясь на своей Honda Odyssey, словно эта машина была пьяной девушкой из женского общества, только что ушедшей с шумной вечеринки.

Очевидно, Мишка предложил подстричь маме газон за наличные, чтобы купить себе игру.

«Я бы купила ее не задумываясь, милая, но эти игры очень жестокие, и я не уверена, что ему стоит в них играть».

Бесполезно было объяснять ей, что это сизифов труд – заставить Мишку не играть в видеоигры. Он и его друзья постоянно проводят так время. Это норма.

В то же время я чувствовала себя удручающе плохой матерью. Настоящей неудачницей. Я даже не могла купить сыну видеоигру.

Может быть, Габриэлла была права.

Может, мне нужно было заткнуться, сказать, что ее бургер органический, и терпеть иногда оскорбления за хорошие, весомые чаевые.

Я толкнула дверь в обветшалый одноэтажный дом. Внешняя отделка была бледно-голубой. Мы с Мишкой сами все покрасили, чтобы сбить часть арендной платы, которую запросил хозяин. Внутреннее убранство в основном состояло из мебели, доставшейся от друзей и родственников.

Но все было нашим, и мы гордились этим.

Я скинула каблуки у двери и бросила куртку и сумочку на комод, чувствуя себя измотанной и замученной.

Замученной тем, что не могу позволить себе вещи, которые хочет мой сын.

Прыщавыми, грубыми подростками, которые щипали меня за задницу на работе.

Габриэлой, с ее стройными ногами и легкой жизнью с дорогими контрактами.

И доктором Крузом Костелло, который, казалось, был одержим ненавистью ко мне.

Мне действительно нужно было уехать из этого города, и я собиралась сделать это, как только Мишка закончит школу.

– Мишка? Ты здесь? – позвала его я.

На кухне раздался звон кастрюль и посуды, который становился все громче по мере того, как я пробиралась через темную маленькую гостиную.

– Мам? Я приготовил пасту. Извини, меня завалили домашкой, и я забыл достать курицу из морозильника.

Я вошла на кухню и крепко обняла сына. Отступив на шаг, я оглядела его лицо, прежде чем погладить бархатистые мочки ушей и поцеловать в лоб, чего он не любил, но, тем не менее, позволял мне делать.

В свои тринадцать лет Мишка уже был на голову выше меня. Неудивительно, ведь он пошел в своего отца, который в школе был тайт-эндом¹⁰, ростом шесть фунтов три дюйма¹¹.

Наверное, это должно было меня расстраивать.

Мишка, можно сказать, взял мою матку напрокат, а в итоге вырос вылитым Робертом Гассманом. Те же растрепанные каштановые волосы, лукавые изумрудные глаза с золотыми прожилками, глубокие ямочки, которые проступали даже при разговоре, и слегка крючковатый нос.

Да, должно было расстраивать, но это не так.

Мишка рос настолько самодостаточным человеком, что Роб казался лишь бледной копией, словно старое письмо, написанное карандашом, слова в котором выцвели от времени и стали почти неразличимы.

– Паста – это прекрасно.

Я поднялась на носочки, чтобы поцеловать Мишку в щеку. При всей своей привлекательности, он, как и другие мальчики его возраста, пах носками, гормонами и фермерскими козами.

Я отстранилась, заметив, что он уже накрыл на стол и поставил тарелки.

– Как дела в школе?

Мы сидели за столом, ковыряя пасту «аль денте» (читайте: совершенно сырую), залитую подозрительным соусом из супермаркета.

– Довольно неплохо. В смысле, мистер Шепард все еще донимает меня по поводу вступления в футбольную команду, что неприятно, но в остальном неплохо.

– Не позволяй ему заставлять тебя что-либо делать. Ты не Роб. Ты не обязан играть в футбол.

– Не бойся, я не свихнусь на спорте. Он отнимает слишком много сил, а в будущем никак не пригодится.

– Что-нибудь еще происходит в твоей жизни?

Мишка сморщил нос, отчего сразу проступили ямочки.

– Не особо.

Что-то внутри меня смягчилось, превратившись в почти тупую боль.

Он не хотел рассказывать мне о видеоигре. Не хотел волновать меня по этому поводу.

– Как прошел день на работе?

Он подцепил вилкой красную пасту и запихнул в рот.

Ну, сынок, было хуже, чем у Авраама в тот день, когда Бог внезапно сказал ему сделать себе обрезание в возрасте девяноста девяти лет.

Теперь наступила моя очередь лгать. Или, по крайней мере, выдать искаженную версию правды.

– Отлично. В ближайшие несколько недель, возможно, мне понадобится выйти на дополнительные смены. Значит, я заработаю больше денег. И мы сможем немного раскошелиться. Хочешь что-нибудь купить?

Я тоже запихнула в рот пасту.

К счастью, этот дурацкий круиз был оплачен Костелло, которые не испытывали недостатка в деньгах.

– Не, у меня все есть. Ты должна потратить деньги на себя, мам. Ты никогда себе ничего не покупаешь.

– Глупости.

¹⁰ Тайт-энд – игрок линии нападения в американском футболе.

¹¹ 190,5 см.

Я помахала ладонью, глотая холодный воздух, язык словно горел. *Черт возьми*, неужели он добавил табаско?¹²

– Я, например, всегда хожу на маникюр.

– Ага, конечно. Тетя Гейл делает тебе его бесплатно. Я не дурак, – он закатил глаза.

На самом деле, он и правда был далеко не дурак. Мудрый и разумный не по годам. Пора было перестать врать ему по пустякам, чтобы почувствовать себя лучше.

Остаток вечера прошел в блаженстве.

Мы с Мишкой вместе смотрели «Американского идола», поедая фисташковое мороженое, смеялись и судили участников, как будто у нас был музыкальный слух. Потом он поцеловал меня в лоб, пожелал спокойной ночи и ушел в свою комнату.

Через несколько минут я услышала в коридоре тихий храп, доносящийся из-за приоткрытой двери. Кажется, этот мальчик может спать прямо во время кентуккийских скачек, находясь при этом на коне.

Я усмехнулась про себя, покачала головой, собирая наши миски с мороженым и пустые стаканы из-под холодного чая и направляясь на кухню. Звонок в дверь раздался как раз в тот момент, когда я начала мыть посуду.

С тихим вздохом я выключила кран, вытерла насухо руки и направилась к входной двери.

Не успела я дойти до нее, как кто-то снова нажал на звонок.

– Иду, иду. Тише.

Это могла быть моя мать, проходившая мимо нашего дома во время ночной прогулки для похудения и решившая сказать мне, что она все-таки купит Мишке видеоигру? Или моя сестра, которой вдруг захотелось, чтобы я в последнюю минуту проверила изменения в цветочных композициях или свадебном меню?

Я распахнула дверь, и весь воздух мгновенно покинул мои легкие, сорвавшись с губ потрясенным свистом.

На крыльце стоял Роб Гассман, мой школьный возлюбленный и непутевый папаша Мишки.

Через тринадцать лет после того, как бросил меня беременной в шестнадцать.

– Неряшка Несси, – он улыбнулся. – Взрослая и прекрасная.

¹² Острый соус, сделанный из мякоти перца чили, уксуса и соли.

Два Теннесси

Я захлопнула дверь прямо у него перед носом.

Через стекло я видела, как Роб замешкался на крыльце, переступая с ноги на ногу, играя мышцами на своем крупном атлетическом теле, пытаюсь придумать, как поступить дальше. Он отошел в сторону и посмотрел на меня через боковое окно, став похожим на Теда Банди¹³.

– Ладно. Признаю, в моей голове это звучало гораздо лучше в качестве вступительной фразы. Прости. Прости. Я виноват. Не могла бы ты открыть дверь, пожалуйста?

Я знала кое-что о Роббе, в основном из городских сплетен, поскольку он таки использовал две свои рабочие клетки мозга и понял, что не стоит возвращаться в Фэйрхоуп, после того как бросил меня на произвол судьбы в старшей школе.

Он знал, что мой отец, который двадцать лет служил шерифом нашего города, выследит его с ружьем наперевес, да я и сама могла прикончить его голыми руками.

Я знала, что он получил стипендию, когда мне было шестнадцать, и уехал в Аризону, надеясь в конце концов попасть в НФЛ.

Знала, что у него так и не получилось стать профессиональным футболистом и он провел последние десять лет, играя в любительских лигах, параллельно подрабатывая тренером, чтобы свести концы с концами.

Я знала, что он был дважды женат, но оба брака закончились разводом, других детей, кроме Мишки, у него не было.

Но самое главное, что я знала о нем, – это то, насколько подлым он был. Роб никогда не встречался со своим сыном.

Не прислал ни одной открытки, ни одного подарка на день рождения, ни одной записки, не говоря уже о проклятом чеке. Ни разу не задал ни одного чертова вопроса о лучшем, что когда-либо было в моей жизни.

Именно его полный отказ от Мишки я никогда бы не смогла простить.

Роб не обязан был оставаться со мной. Но вычеркнуть из жизни то, что он назвал *моей* ошибкой?

Да уж, неужели ты думаешь, что у тебя есть шанс выйти из моего «кулачного» списка (людей, которых я хотела бы ударить), приятель?

– Да ладно, Несси.

Роб прижал руку к окну, сделав печальный вид, пытаюсь вызвать жалость. Глядя на него теперь, я поняла, что он совсем не был похож на прежнего Робба. Того парня, полного амбиций, ямочек и возможностей.

Он выглядел таким же измученным, усталым и пустым, как я.

Отлично.

– Пожалуйста, – мягко сказал он. – Я набирался смелости прийти к тебе целую неделю. Дай мне пять минут.

Я снова приоткрыла дверь. Мне было совсем неинтересно, почему он здесь. Число моих догадок о причинах его появления на данный момент составляло минус пятнадцать с лишним.

Но если он действительно был в плохом состоянии, я бы не хотела стать тем человеком, который подтолкнул его к решению о самоубийстве. Несмотря на все внутренние пожелания скорой смерти, на самом деле меня эта идея не радовала.

¹³ Тед Банди – американский серийный убийца, насильник, похититель людей, каннибал и некрофил, действовавший в 1970-е годы.

К тому же он все еще оставался отцом моего ребенка, даже если никогда не был им по-настоящему.

У Роба была ветровка North Face¹⁴, дорогая стрижка и гипс на правой ноге. Что-то горячее и стыдливое закрутило в животе, когда я подумала о том, что он увидел, когда посмотрел на меня.

Я больше не была той молодой красивой девушкой, с рассыпавшимися по плечам волосами, светлыми веснушками и потрясающими ногами, которую он бросил. Теперь мне было двадцать девять. И у меня был тяжелый макияж, несколько лишних килограммов и недостаток сна.

– Ты выглядишь... великолепно, – пролепетал он.

Его голос тоже стал другим. Каким-то обреченным.

– Ты выглядишь неуместно, – сухо ответила я, прислонившись к дверному косяку. – Что ты делаешь в Фэйрхоупе, Роб? И почему ты не подумал позвонить, прежде чем заявиться ко мне на порог без предупреждения долгожданным, как горящий мешок с собачьими какашками?

По правде говоря, я бы приняла собачьи какашки с распростертыми объятиями, если бы стоял выбор между ними и Робом. По крайней мере, огонь можно было бы затоптать ногами, и проблема бы исчезла.

Он указал на свою правую ногу и произнес на выдохе, словно божественное откровение:

– Я сломал бедро.

Ты разбил мое сердце.

– Понятно, – я сохраняла деловой тон, – но это все равно не ответ на мой вопрос.

– Я больше не могу играть в футбол. И тренировать тоже не могу, – еле выдавил он.

– У меня сердце кровью обливается за тебя.

– Серьезно, – Роб сдвинул брови. – Я никогда не вернусь на поле, Несси.

– Ну, тебе тридцать один, и ты так и не попал в профессиональную лигу, так что я уверена, мир переживет эту потерю.

Неужели мы сейчас правда говорим о его любительской футбольной карьере?

– Но я не поэтому вернулся в Фэйрхоуп, – Роб покачал головой, будто вспоминая нужные фразы. Он попытался перехватить мой взгляд.

Я сосредоточилась на его редющих волосах, потому что не была готова увидеть то, что отражалось в его глазах. Мое сердце билось тысячу раз в минуту. Я одновременно не могла поверить, что он здесь, и молилась, чтобы Мишка не проснулся, решив выпить стакан воды.

– Не поэтому? – нарочито медленно произнесла я.

– Пришло время взять на себя ответственность. Когда две недели назад я загремел в больницу и рядом со мной никого не было, я осознал, что все это время не понимал смысла жизни. Я хочу быть со своей семьей. Со своими стареющими родителями. Пустить корни, найти цель, проводить праздники и каникулы с теми, кто по-настоящему мне дорог. Я хочу играть в мяч со своим сыном.

– Он ненавидит футбол, – подчеркнула я, наслаждаясь тем, что Роб и Мишка были настолько разными, насколько это вообще возможно.

– А чем он увлекается? – спросил он, от вопроса у него перехватило дыхание.

В тот момент мне очень захотелось поддеть его и сказать: «*Кладбищами и жертвоприношениями животных*». Но я поджала губы.

Я не поведусь на эту игру.

– Слышал, что он похож на меня, – продолжил Роб. – Высокий, темноволосый. Красивый.

¹⁴ North Face – американская компания, специализирующаяся на производстве высококачественной технологичной спортивной, горной одежды, туристического инвентаря.

Я сдержанно пожала плечами.

– Ты только что описал половину населения Северной Америки.

Его глаза загорелись надеждой, и что-то внутри меня ослабло.

Когда я была моложе, я мечтала об этом моменте. О том, что Роб появится и заберет нас с Мишкой к себе. Спасет нас.

Но годы притупили весь оптимизм, который еще оставался во мне, и теперь я ничего не ожидала от человеческой расы.

В частности, от мужчин.

И даже более конкретно – от Роба.

Да, эгоистично. Признаю, несправедливо сейчас не дать Робу взять и появиться в третьем акте фильма, так близко к развязке, и стать частью счастливого конца.

Он пропустил все самое ужасное.

Бессонные ночи, колики, первые зубки и все медосмотры. «Скорую помощь», слуховые трубки, бо-бо, которые нужно было целовать, сказки, которые нужно было читать, и азбуку, которую нужно было выучить.

Его не было рядом, чтобы научить сына кататься на велосипеде, скейтборде или наклонять пенис вниз, когда он пишет (на это я особенно затаила обиду). Объяснить, как ловить рыбу, повесить на стену картину, быть мужчиной.

Ком слез застрял у меня в горле.

– Можно мне войти? – спросил он.

– Нет.

Я услышала в своем голосе лед, и меня испугало, что он исходит от меня. Но что еще я могла ответить? Этот человек разрушил меня, мою жизнь, мои надежды и мечты. Правда, он подарил мне самый ценный подарок – нашего сына, но это произошло совершенно случайно.

Он прикусил нижнюю губу, уставившись на свои ботинки, как нашкодивший ребенок.

– Я бы очень хотел, чтобы у нас все получилось.

– Что получилось?

– Я хочу увидеть его, Несси. Моего сына.

– У него есть имя.

Он закрыл глаза, агония окрасила его слишком знакомые черты.

– Его зовут Мишка, – сказала я.

– Я знаю.

– Странное имя, не находишь? – усмехнулась я, не совсем понимая, к чему клоню, но желая причинить ему как можно больше боли.

Роб поднял голову, сдирая зубами мертвую кожу с губы, которую прикусил всего секунду назад.

– Не думаю, что у меня есть право судить. Меня не было здесь, чтобы дать ему имя.

– Чертовски верно, тебя не было.

Тот факт, что он был так покладист, так легко извинялся, ослабил мое желание наругать ему. Отчасти.

Он провел пальцами по волосам.

– Послушай, Несси, я знаю, что облажался, и понимаю, что лучший способ показать тебе, что я настроен серьезно, – это доказать тебе со временем, насколько я изменился. Последние пару лет действительно что-то изменили во мне. Бесчисленное количество раз я хотел связаться с вами, шли годы... – Роб вздохнул и покачал головой. – Ну, в общем. Сейчас я работаю на отца, здесь, в городе. У него риелторский бизнес. Мой дом чуть дальше по улице, так что можешь крикнуть, если что-нибудь понадобится. Вот мой номер.

Он протянул мне визитную карточку. Я взяла ее и не глядя сунула в карман пижамы, дыша через нос, чтобы не расплакаться. Роб переминался с ноги на ногу, выглядя немного нерешительным и очень напряженным.

– В чем дело? – Я закатила глаза. – Я знаю, что ты хочешь сказать что-то еще.

– Ну... возможно, еще слишком рано, но...

– Что?

Я осмотрела его лицо и поняла, что, хотя он и выглядел знакомо, в то же время я совершенно его не знала. Случайный мужчина. Совершенно чужой человек, который сейчас смотрел на меня с тоской и ни капли не напоминал того мальчишку, с которым я когда-то встречалась.

– Я хочу загладить свою вину перед *тобой*, Несси. Не только перед Мишкой. Я хочу попытаться вернуть и тебя.

– Ты шутишь?

– Нет. Я никогда не забывал тебя, Теннесси. Я...

– Спасибо, но я лучше оближу дверную ручку ближайшего общественного туалета.

На этот раз, захлопнув дверь перед его носом, я не стала ее открывать снова.

Столько вранья за один день не способна вытерпеть ни одна женщина.

* * *

Я уже выпила третий бокал вина, которое купила с хорошей скидкой, правда, с почти истекшим сроком годности, когда вспомнила, что так и не приобрела билеты на круиз.

Я запустила свой древний ноутбук и набрала в Интернете адрес круизной компании, который мне дали родители. Они тысячу раз предупреждали меня ничего не перепутать.

И у них были на то веские причины.

У меня был тяжелый, самодиагностированный СДВГ, и я не решалась делать ничего, что требовало более трех минут концентрации и/или мощного оборудования. Мой разум постоянно напоминал многополосное шоссе без дорожных знаков. К тому же после появления Роба я была вполне оправданно взбуждена.

Но это же просто бронирование билетов – что тут сложного?

Я правда не хотела, чтобы доктор Перебила-ему-Горло (я дойду до этой истории, ладно? Потерпите!) донимал меня по этому поводу. Не то чтобы он вытворял подобное. Круз Костелло был в некотором роде экспертом по игнорированию моего существования.

Но если бы я могла гарантировать, что нам с ним не придется разговаривать друг с другом до начала круиза, я бы приложила для этого все усилия.

На сайте круизной компании я ввела в строку поиска «Элейшн»¹⁵ – круизный лайнер, на котором мы собирались отдыхать. Он отплывал из порта Уилмингтон и отправлялся в десятидневный круиз по Карибским островам.

Судя по всему, такова была семейная традиция Костелло: каждое лето вместе с сыновьями они отправлялись в круиз по экзотическим местам. У нас, Тернеров, тоже были летние традиции до того, как я родила Мишку.

А именно: тащиться в Диснейленд каждый август, жаловаться на флоридскую жару, а потом, позже, на безумные очереди, клясться, что мы никогда, никогда больше не приедем сюда еще раз, и отчаянно пытаться найти нашего очень пьяного, очень дружелюбного отца, завязавшего разговор с какой-нибудь бедной актрисой, которую в тот день нарядили Эльзой.

Признаться, я была немного навеселе, когда бронировала билеты для меня и Круза.

¹⁵ Восторг (англ.).

Все было слегка... размыто, когда я вводила данные, а затем переправляла подтверждение на cruzcostellomd@healthhelp.com. Да еще и украсила письмо эмодзи со средним пальцем, чтобы он знал, от кого оно.

В итоге я выключила компьютер и пошла в свою комнату, захватив бутылку вина, а затем рухнула на кровать, чтобы честно проспать шесть часов. Сон был наполнен мечтами о Бенисио дель Торо и лотерейных билетах, ни Роба Гассмана, ни Круза Костелло в нем не было.

Три Теннесси

На следующий день я отвезла Мишку в школу и поехала к родителям. У меня была вечерняя смена, и я обещала помочь своей сестре Тринити сделать свертки с подарками для девичника тем же вечером.

Ага.

Все верно.

Одна из двух подружек невесты – я – не была приглашена на девичник. Или, если подходить к этому вопросу с технической точки зрения, в тот день и час я была занята.

Тринити прекрасно знала, что некому меня подменить, по вторникам я всегда работала в ночь. Так что я поняла: она не хотела, чтобы я присутствовала.

Что, признаться, не было большой потерей, поскольку подружки Тринити не были моими самыми большими поклонниками.

Тем не менее то, что она выбрала эту дату – за несколько недель до свадьбы – только потому, что знала, что у меня не получится, было неприятно. Хотя, если бы вы спросили Тринити, она бы сказала, что 0720 – ее счастливое число. Что, как мы все знали, было полным бредом. Никто не любит число 0720.

– Привет, привет, привет! Я здесь!

Я открыла дверь родительского дома в стиле кейп-код¹⁶ своим ключом, держа в руках огромную коробку пончиков. Затем, сняв леопардовые туфли на каблуках, прошла на кухню и включила кофеварку.

Если говорить о дизайне интерьера, дом моих родителей был катастрофой мирового масштаба. У моей матери, которая работала учительницей рисования в местной начальной школе, был довольно эксцентричный вкус. Под эксцентричным я подразумеваю, конечно, отвратительный.

Всю стену занимал бирюзовый ковер, на кухне висела картина с изображением какой-то причудливой фермы, предполагалось, что она вносит пасторальный мотив, а ваннные комнаты и сами ванны были выкрашены в насыщенные красные и оранжевые цвета, что придавало всему элегантность обьятого пламенем борделя.

– Иду! – услышала я шаги наверху.

Тринити все еще жила с моими родителями. Я даже слегка переживала из-за того, что она выходила замуж и переезжала к Уайатту. Прожив двадцать пять лет дома, она выросла в более тепличных условиях, чем я.

Уайатт был старше ее почти на десять лет, и, хотя он занимал отличную инженерную должность в Уинстон-Салеме, был также известен своей любовью к выпивке, вечеринкам и сомнительным решениям.

Я могла бы утверждать, что, если бы не была такой абсолютной неудачницей, место официального «Отверженного» в нашем городе занял бы Уайатт. С другой стороны, его братом был Круз, что сглаживало его ужасность. Идеальный отвлекающий маневр.

Шаги послышались на лестнице, и моя светловолосая сестра появилась на кухне, все еще в своей атласной пижаме голубого цвета и с заплетенными в косу длинными волосами.

¹⁶ Характерный тип североамериканского загородного дома XVII–XX веков. У таких домов симметричный фасад, деревянный каркас или наружная отделка, выступающие мансардные окна.

– Несси! О, Несси, я так рада, что ты здесь. Я совершенно потрясена, – она обняла меня за плечи, крепко прижав к себе. Я похлопала ее по спине. – Миссис Андервуд ходила по округе и рассказывала, что из-за тебя вчера ребенок подавился соломинкой?

– Это ложь, – пробормотала я ей в волосы, желая и самой миссис Андервуд неприятного визита кармы.

– Да, я так и подумала, – Тринити принялась, оглядываясь. – Чувствую запах кофе?

– С пончиками.

Я открыла небольшую коробку со свежими лакомствами, которые прикупила по пути.

– С глазурью?

Ее глаза переполнились надеждой.

– Ты знаешь, что да.

Я налила нам обоим по чашке кофе, пока Тринити села на заново выкрашенный ярко-желтый стул и начала откусывать глазурь с пончика. Она всегда съедала только глазурь. И могла больше почти ничего не есть до вечера.

– Эх, лучше бы ты их не приносила. Те пара килограммов, которые я пытаюсь сбросить к свадьбе, уже достали меня.

Она запихнула весь пончик в рот, выглядя скорее удрученной, чем счастливой.

Была только одна вещь, которую Тринити любила больше, чем свою фигуру, и это были пончики.

– Ты прекрасно выглядишь, – сказала я.

– Тебе легко говорить. Ты всегда была худенькой. Хочешь, чтобы я выглядела раздутой на свадебных фотографиях?

Всегда пожалуйста, сестренка.

– Где мама?

Я села рядом с ней, держа кружку с кофе. Я позволяла Тринити такое поведение, поскольку она собиралась связать себя узами брака через шесть недель. Я посмотрела достаточно серий «Всем ни с места, я – невеста!»¹⁷, чтобы понимать: по шкале тревожности планирование свадьбы может приравниваться к рождению тройни без эпидуральной анестезии.

– Она пошла заменить печенье-макаруны в подарочных наборах для девичника. Мама совершенно забыла, что у Габриэллы аллергия на орехи, и заказала обычные макаруны, с миндалем и всем остальным. Вчера вечером мы поругались, и закончилось все тем, что я сказала ей следующее: раз она намеревается убить главную подружку невесты, то пусть признается в этом, и я просто отменю свадьбу. Наконец, ей удалось убедить миссис Патель напечь новых. Почти уверена, что миссис Патель не сомкнула глаз прошлой ночью, но что поделаешь, верно?

Можно было просто сказать Габриэлле не есть печенье. Она и так ни разу не притронулась к углеводам за последние годы.

– Как можно сделать макаруны без миндаля? – вслух произнесла я.

– Да все равно, лишь бы подружка невесты не упала замертво на моем девичнике, – фыркнула Тринити, положила пончик без глазури обратно в пакет и взялась за следующий. – Думаешь, этого хватит? – Она кивнула на стол перед нами, который был завален мини-бутылочками с шампанским, именными бальзамами для губ, лаком для ногтей «Mani Thanks», бомбочками для ванны и пушистыми носками с индивидуальным дизайном. – Я еще хотела соответствующие каждой из нас серьги Swarovski, но папа сказал, что исключит меня из завещания, если я потрачу столько денег.

– Думаю, этого более чем достаточно.

¹⁷ «Всем ни с места, я – невеста!» – американское реалити-шоу о подготовке к свадьбе.

А еще я думала, что украшать каждый сверток разноцветной бумагой из рафии и мини-атюрными конфетами ручной работы будет ой как утомительно, особенно учитывая, что мне не достанется ни *одного* из них.

– Почему Габриэлла тебе не помогает? Она же главная подружка невесты, – напомнила я. – У нее полно свободного времени.

На что я, между прочим, совершенно не злилась.

– Она хотела, но потом ей пришлось мчаться в город за красивым платьем для благотворительного вечера Круза. Вообще-то он ее не приглашал, но ты же знаешь мужчин. Вечно обо всем забывают. Ты ведь не сердись? – Тринити взглянула на меня исподлобья, слизывая глазурь с мокрого пончика.

Я никогда не могла отказать своей младшей сестре, и она это знала. Я сорвала бы луну с неба и все звезды, лишь бы она улыбнулась. Она всегда была рядом первые пять лет жизни Мишки и стала для него второй матерью.

– Нет! – Я схватила одну из корзин для подарочных наборов и начала укладывать все в нее, чтобы дать себе фору. – Вовсе нет.

– Хорошо. Потому что я понятия не имела, что ты сегодня работаешь. – И это было, я знала, ложью. – И еще Габриэлла вела себя довольно странно, и я просто не хочу всей этой драмы. Понимаю, что она просто ведет себя как ребенок, но я рада, что ты выше этого.

А вот это уже ложью не было.

Габби, лучшая подруга Тринити, никогда меня не любила. Но особенно я ей не нравилась с тех пор, как она начала встречаться с мистером Совершенство. Я не представляла почему, но на данном этапе мне было все равно.

Некоторым людям просто суждено тебя не любить. Если на это не было достаточно веской причины, я считала, что нужно просто позволить им их эмоции. Как говорится, что бы ни думали обо мне люди, это не мое дело.

Хотя в случае с Габриэлой это меня все-таки касалось, потому что она, похоже, избегала любых предсвадебных мероприятий, где могла присутствовать я.

– Все в порядке. Все в полном порядке, – твердо повторила я и продолжила укладывать в корзины лаки для ногтей, пушистые носки и бомбочки для ванны, пока Тринити внимательно рассматривала меня, облизывая пончики и размышляя над ситуацией с мрачным выражением лица.

– Хорошо. Ах, Несси, ты просто спасительница. Ты даже не представляешь, как меня напрягает свадьба. Подготовка, примерки, изменения в последнюю минуту... все это слишком. Я знаю, что должна быть благодарна, но круиз пришелся на такое неудобное время. Мне так много всего нужно сделать. Не говоря уже о том, что я знаю, как все пройдет. Мистер и миссис Костелло будут смотреть на нас свысока. Кэтрин Костелло невозможно угодить.

Тринити поджала губы, и мне пришло в голову, что она даже не спросила, как у меня дела. Или произошло ли в моей жизни что-то новое. Или, например, не появился ли мой бывший после тринадцати лет молчания и не перевернул ли он всю мою жизнь с ног на голову.

– Ты знаешь, что я присоединилась к церковному комитету «Дамы на поздних завтраках» только для того, чтобы произвести на нее впечатление? На Кэтрин, я имею в виду. Я думала, она будет там каждую неделю. Она даже не появляется, Несси. Она просто отправляет деньги в фонд каждый месяц, чтобы сохранить свой титул, – укорила будущую свекровь Тринити.

Я уже собиралась ответить ей, что не нужно делать из Кэтрин Костелло лучшую подругу, ведь и так ясно, что та холоднее рыбы в замерзшем пруду, когда дверь распахнулась и в комнату ворвалась мама, миллион ожерелий на ее шее звенели, создавая какофонию звуков.

– Я здесь. Я здесь. Извините, что опоздала. Я должна была проверить рецепт макарун миссис Патель, чтобы десерт ни у кого не вызвал аллергии.

Мама поспешила внутрь, ее круглое лицо покраснелось, а седеющие волосы походили на гнездо.

Она выглядела намного менее ухоженной, чем гламурная Кэтрин Костелло, у которой было всего несколько обязанностей: поддержание внешнего вида, чтобы выглядеть как изящно стареющая кинозвезда, участие в скандале, разразившемся из-за открытия филиала популярной сети ресторанов в Фэйрхоупе, что, по мнению местных жителей, разрушало «аутентичность города», а также совершение пожертвований во благо церковных собраний, потому что ей не хотелось на них приходить.

– Несси! Ты здесь. Ты уже начала собирать наборы? У нас не так много времени. Мне нужно отвезти твою сестру на прием к косметологу. Судя по всему, процедуру для сияния лица лучше всего делать за несколько недель.

– Уже занимаюсь, – я демонстративно помахала одним из лаков.

– Хорошо. – Мама сморщила нос, когда увидела пакет с пончиками. Она закрыла его и взяла ногтями, как будто он был заразный. – Это ни к чему, Несси. Совершенно лишнее. Твоя сестра на диете, ты пытаешься ей помешать?

– Моя сестра выглядит так, будто не видела сэндвич с 1999 года.

– Не могла бы ты уложить в пакетики макаруны, когда закончишь с наборами, а я пока отвезу твою сестру на удаление черных точек? О, и каждый макарун должен быть завернут в целлофан отдельно.

То есть теперь я должна была со всем справиться сама? В одиночку?

– Конечно, я все сделаю, – услышала я свой, сильно похожий на Золушкин, голос.

Я знала, что моя семья любит меня. Но еще я знала, что на данный момент говорить им о том, что со мной происходит, бесполезно.

– Ты чудо, Несс. Собирайся, дорогая. – Мама похлопала Тринити по плечу, направляясь к холодильнику, чтобы взять чай со льдом, который папа приготовил для нее перед тем, как утром отправиться на рыбалку.

Мой отец, благослови его сердце, был настолько же вовлечен в семейные дела, насколько я – в жизнь кротов в Узбекистане. Короче говоря, он появлялся на важных событиях, только когда мы просили его об этом.

– Как там Мишка, Несси? – спросила мама, наконец-то проявив интерес хоть к чему-то в моей жизни.

– В порядке, – я оторвалась от набора, который собирала. – Вообще-то, я...

– Я хочу взять его с собой в торговый центр на следующей неделе. Куплю новый рюкзак и, возможно, несколько пар джинсов. У него ведь штаны спадают на задницу. Ты заметила?

Да, и так надо, вряд ли ты изменишь его стиль, мама.

– Он будет рад, – прощепетала я. – В общем, ты не согласишься, что...

– Думаю, он вырастет таким же высоким, как его отец. Рост – единственная хорошая вещь, которая передалась ему от этого никудышного парня.

– Ага! Кстати, о Робе... – попыталась я в третий раз, немного более настойчиво.

Тринити спустилась по лестнице в летнем платье. Аккуратная, туго заплетенная коса была перекинута через плечо, ресницы накрашены, на щеках румяна, а на губах блеск.

– Увидимся, Несси. Спасибо, что согласилась сделать подарочные свертки!

– О, и, дорогая, не забудь потом прибраться, – крикнула мама. – У меня будет полно дел, когда вернусь: нужно подготовить дом к вечеринке.

Они громко хлопнули дверью, и в этот же момент экран моего телефона засветился, уведомляя о новом сообщении. Отобразился неизвестный номер с городским кодом Аризоны.

Ну же, Несси. Ты позволишь мне увидеться с сыном или как?

Не в этой жизни, *придунок*.

Четыре Круз

Две недели спустя.

Габриэлла Холланд была плохой идеей.

Я понял это в тот вечер, когда встретил ее в баре.

В тот же вечер я отвез ее к себе домой.

На следующее утро она, небрежно пробежавшись взглядом по семейным фотографиям, висевшим на стене в гостиной, обнаженная, как в день своего рождения, призналась, что на самом деле она тоже из Фэйрхоупа.

Ее лучшая подруга, Тринити, работала в моей клинике, да и мать Габриэллы была бы рада узнать, что мы знакомы. *Тесно.*

Что еще оставалось делать благородному человеку?

Человеку, который, по мнению жителей Фэйрхоупа, вполне мог бы стать президентом.

Который не мог допустить и одной ошибки, но допустил как минимум четыре за ночь, в том числе и ту, что включала довольно авантюрную позу из Камасутры и результатом которой стал компромат на молодую женщину.

Я честно попробовал построить отношения с Габриэлой Холланд.

В конце концов, в ней не было абсолютно ничего плохого на первый взгляд. Объективно, она была потрясающей, в прошлом году окончила Колумбийский университет, работала блогером и инфлюенсером, продвигая косметические продукты и уличную моду в социальных сетях.

Она хотела стать домохозяйкой, нарожать милых пухленьких детишек, а я якобы хотел жену, которая сделает именно это.

Наши цели, планы и мировоззрения теоретически совпадали.

Теоретически – вот главное слово, потому что я ни за что на свете не мог больше терпеть, как она фотографировала каждую чертову вещь, которую мы ели, или делала селфи в каждом общественном туалете, ссылаясь на отличное освещение.

– Но... но почему? – Габриэлла засопела, демонстративно вытерла нос и глаза салфеткой, пытаясь справиться с дрожью.

Меня это всегда раздражало. Она дрожала, когда ела куриный салат в «Джерри и сыновьях», когда видела что-то грустное в новостях и когда в окно залетал сквозняк.

Она была такой хрупкой, такой нежной, словно ее место было в музее, а не в постели теплокровного мужчины (хотя, по иронии судьбы, надо сказать, что Габриэлла была готова сделать все, что я захочу, лишь бы я позвонил на следующий день).

– Я что-то не то сказала? Или сделала? Я не понимаю. Ты же на днях подарил мне кольцо!

Она сидела на краю моего дивана с мягкой обивкой цвета морской волны, ее большие глаза мерцали, как разбитое стекло.

У меня не хватило духу сказать ей, что кольцо я подарил ей не ради нее, а ради себя.

Я гордился тем, что был лучшим любовником в обеих Каролинах. Я дарил своим девушкам дорогие подарки, водил по самым стоящим местам, никогда не пропускал важные даты и не отпускал домой без бесплатного оргазма.

Я возлагал на себя большие ожидания.

В конце концов, я был любимцем Фэйрхоупа.

Мысль, что я могу подвести кого-то, вызывала тревогу, как бы мне ни хотелось притворяться, что это не так.

– Подожди, это из-за того случая с неорганическим бургером? – Она щелкнула пальцами, как будто ее озарило. – Наверное, я могла быть добрее с Неряшкой Несси. Просто в последнее время на меня так много всего давит: свадьба Тринити, примерка платьев подружек невесты...

– Это не имеет никакого отношения к Теннесси Тернер, – я протянул Габриэлле еще одну салфетку. Я был уверен: как только она выйдет отсюда, то начнет рыдать в полную силу. – И к тебе это тоже не имеет никакого отношения. Ты идеальная.

– Тогда почему ты бросаешь меня?

Я и сам не представляю почему, дорогая. Я лишь понимаю, что ты наскучила мне до полусмерти.

Это со мной было что-то не так, и мне нужно было понять, что именно.

Я знал, что я не асексуален, потому что как раз секс был единственной вещью, которая нравилась мне в отношениях. Со всем остальным возникали трудности.

Не было никакого поворотного момента или толчка, который бы изменил меня. Никаких некрасивых расставаний или душеспитательных историй, из-за которых я бы отказался от мысли когда-нибудь завести семью.

Я вырос в прекрасном доме, с двумя любящими родителями, которые обожали друг друга. На протяжении многих лет я встречался с разными девушками. Одни отношения длились дольше, другие – меньше. Некоторые девушки были мне очень дороги, и я, безусловно, уважал их всех, но чего-то всегда не хватало.

Все выглядело нормально. Мило. *Даже отлично.*

И чувствовал я себя тоже нормально. Не слишком хорошо. Не слишком плохо. Как любимое блюдо в знакомом ресторане. Я никогда не разочаровывался в женщинах, с которыми был, но и никогда не был от них в восторге.

Но я хотел этого.

Хотел, чтобы кто-то вдохновлял меня совершать глупости, выталкивал из зоны комфорта, помог познать то, что было у всех мужчин моего возраста, кроме меня самого, – брак.

Но, опять же, выбирать только одну женщину, когда я мог позволить себе все что угодно в этом городе, было бессмысленно. Я могу жениться на любой девушке хоть сейчас (кроме Теннесси Тернер, такую жену я бы, честно говоря, не пожелал и злейшему врагу, если бы такой у меня когда-нибудь был).

– Я все поняла. – Габриэлла села, хлопнув себя по бедру.

Она уже провела целую беседу сама с собой. Со стороны это выглядело странно.

– Правда? – Я сильно сомневался, но все равно продолжил разговор.

– Ты просто трусил, потому что Уайатт женится, и ты знаешь, что все будут ждать этого и от тебя. Я могу подождать, Круз. Я не давя.

Конечно нет, никакого давления! Если бы не тот факт, что она отметила обручальные кольца в свадебных журналах и оставила их там, где я увижу. Честно говоря, я считал, что три месяца – недостаточный срок, чтобы понять, хочешь ли ты разделить с человеком подписку на Netflix, не говоря уже о предложении руки и сердца.

– Дело не в этом. Мне нужно время, чтобы привести мысли в порядок.

– Пообещай мне одну вещь.

Габриэлла теперь рыдала в полный голос, и я ненавидел себя за то, что вообще лег с ней в постель. В свое оправдание скажу, я и не думал, что мне придется видеть ее на следующий день или в течение трех последующих месяцев.

– Конечно. – Я холодно улыбнулся и похлопал ее по колену. – Все что угодно, дорогая.

Она сжала мои плечи, глядя мне прямо в глаза.

– Ты всерьез все обдумаешь и дашь мне знать, когда вернешься из круиза. Я буду ждать тебя.

– Правда, в этом нет необходимости.

Я не хотел, чтобы она меня ждала.

Более того, я не хотел ждать ее.

Круизы могут проходить по-разному. Вполне возможно, что я встречу девушку, с которой случится короткая интрижка, я не хотел себя сдерживать. Не сейчас, когда уже знал, что больше не желаю провести с Габриэллой и дня.

– Тебе не обязательно ждать меня, но мне на душе будет легче, если я дождусь тебя.

Она выдавила слабую, усталую улыбку.

Мне показалось, что это очень плохой уговор, но, возможно, Габриэлле нужно было несколько дней, чтобы все переварить. Я пытался расстаться с ней уже два часа, а мы все еще продолжали ходить вокруг да около.

Казалось, это то, что заставит ее уйти, поэтому я согласился.

– Хорошо. Мы поговорим снова, когда я вернусь.

– И постарайся вспомнить, почему мы стали встречаться, – предложила она. – Может быть, это что-то в тебе разожжет.

В этот момент я уже практически выталкивал ее из своей квартиры.

Но, как только я представил, что, закрыв дверь после двух часов выматывающей ссоры, наконец смогу утешиться в объятиях единственной любви, которая никогда меня не подводила – бутылки пива, – острый красный каблук вклинился между дверью и косяком.

Я быстро открыл дверь, надеясь, что это не Теннесси Тернер с высокомерием размером с Австралию.

По другую сторону двери стояла моя мама.

У Кэтрин Костелло была прическа Нэнси Пелоси¹⁸, изящная фигура и гардероб Джеки Кеннеди¹⁹. Она выглядела – и я говорю это с большой любовью – как любая богатая белая женщина, которую вы когда-либо видели в телевизионной драме девяностых годов в деловом костюме леди-начальницы.

– О, Крузи. Я ведь ничему не помешала?

Я распахнул дверь, зная, что нет смысла говорить ей, что помешала.

– Вовсе нет, мам. Входи.

– Я заметила, что у Габриэллы немного кислое настроение.

Мама начала разгружать коричневую сумку, которую принесла с собой. Несомненно, с домашней едой.

Она была во всех смыслах замечательной, властной матерью, с которой мне очень нравилось проводить время, и при этом хотелось скорее попрощаться с ней.

Сбиты с толку? Я тоже.

– Да. Мы расстались.

Я открыл холодильник, достал себе пиво и диетический лимонад, который покупал специально для матери.

– Очень жаль это слышать.

Она начала открывать контейнеры. Запахло фирменной запеканкой из стручковой фасоли и стейком.

– Извини.

Я говорил искренне, потому что *был* искренен.

Я хотел, чтобы мои родители были счастливы. Но не хотел связывать свою жизнь с женщиной, которая находила больше удовольствия в фотографировании десертов, чем в их поедании, и считала журнал Vogue авторитетом в области интеллектуальной литературы.

¹⁸ Американский политик-демократ.

¹⁹ Имеется в виду Жаклин Кеннеди, которая была первой леди США и женой Джона Кеннеди, тридцать пятого президента США.

– И все же, кажется мне, что на душе у тебя беспокойно. Давай садись и поешь.

Я так и сделал, потому что, черт возьми, нет ничего лучше, чем мамина стряпня и пиво после трудного дня, независимо от того, сколько тебе лет.

Она обогнула кухонный стол и села напротив, сцепив пальцы в замок и опустив на них подбородок.

– Я здесь не для того, чтобы говорить о Габриэлле.

– Так и подумал, ведь это случилось только что. – Я отрезал кусок стейка и отправил в рот. – Чем могу помочь, мама?

– Роб Гассман вернулся в город.

Мне удалось не выплюнуть пиво и стейк.

С трудом.

– Правда, сейчас?

Она кивнула.

– Я ходила играть в бридж к миссис Андервуд. Она рассказывала о том, как ты спас того парня у Джерри, когда вдруг миссис Гассман зашла угостить нас своим знаменитым яблочным пирогом и сообщила, что он вернулся, но жизнь его потрепала. У него выдалось несколько трудных лет. Он дважды разведен, знаешь?

– Слышал.

Роб никогда не был хорош в отношениях, поэтому я почти не удивился.

– Он собирается остаться?

– Похоже на то. Он снял дом и все такое. Вниз по Нортон Крик, не очень далеко от старшей Тернер и их общего ребенка.

– Странно, что его до сих пор никто не видел.

– Думаю, он пока держится в тени. В любом случае, почему бы тебе не позвонить ему? Уверена, он будет благодарен тебе за это. Держу пари, он чувствует себя оторванным от общества и сбитым с толку после всей этой истории со старшей Тернер.

Ага.

У Теннесси Тернер не было фанатов в этом городе. На самом деле, моя мама едва примирилась с тем, что ее сестра Тринити станет нашей невесткой, настолько ей было не по себе от этого родства.

У меня были свои взгляды на мир и на культуру отмены в маленьком городке. Я не был поклонником мисс Тернер, но должен признать: многое из того дерьма, которое выливалось на нее, было похоже на ревность и мелочность.

– Конечно, – я запихнул в рот побольше запеканки. – Как только вернусь из круиза. У меня сейчас много дел на работе.

– О! Еще сын миссис Веллы, Энтони. Он сказал, что собирается поступать в медицинскую школу, и спросил, может ли отправить тебе несколько вопросов по электронной почте. Я, конечно, сказала «да».

– Конечно, – повторил я, пережевывая пищу и скрежеща зубами.

Сказать «нет» было невозможно. Я был идеальным сыном, идеальным соседом, идеальным знакомым. Всегда готовым помочь.

– И еще кое-что, прежде чем я уйду. Твой отец хочет знать, не мог бы ты просмотреть его портфель ценных бумаг, прежде чем мы отправимся в круиз. Ты же знаешь, он совершенно не разбирается в этом.

– Считаю, что уже сделано. Зайду завтра.

Ага.

Быть идеальным утомительно.

Особенно когда внутри я чувствовал себя совсем иначе.

* * *

В тот момент, когда я думал, что пятидесятичасовой рабочий день не может быть длиннее, мне позвонили и попросили вернуться в клинику, потому что ребенок миссис Боровски, Дженсен, решил, что проехаться колесом игрушки «Поезд Томаса» по своей мошонке – хорошая идея.

Это был второй случай с Боровски в этом месяце, буквально две недели назад ее дочь попала ко мне с жалобой на какашки цвета радуги и размазанной ухмылкой, как у джокера.

Очевидно, маленькая Элин тогда решила, что полакомиться мелками – тоже отличная идея.

Я приехал в клинику, извлек поезд радости из орешков Дженсена и добродушно объяснил ему, что это область тела еще не раз доставит ему неприятности, а затем, с хлюпающим звуком стягивая медицинские перчатки, заметил, что Тринити, моя будущая невестка и медсестра, проскользнула в кабинет.

– Доктор Костелло.

– Пожалуйста, Тринити, зови меня Круз, когда рядом нет пациентов. Мы скоро станем семьей.

– Круз. – Тринити попробовала мое имя на вкус, застенчиво улыбаясь. – Тебя вызвали на срочную процедуру?

Она открыла один из моих картотечных шкафов и положила туда папки пациентов.

Тринити была симпатичной блондинкой с заплетенными в косу волосами, сдержанным гардеробом и слишком большим количеством веснушек. Она была воспитанной, доброжелательной и... скучной. Ее ни за что нельзя было спутать со старшей сестрой – ходячей бомбой, которая составила бы конкуренцию некоторым лучшим голливудским звездам.

По сравнению с ней Тринити была почти невзрачной. Больше всего она была похожа на ангелочка, а Теннесси – на нечто, созданное дьяволом для грехопадения.

Однако, в отличие от своей сестры, медсестра Тернер не обладала манерами дикого кабана, поэтому я не возражал, что она работала под моим началом, даже если она брала пятьсот дней отпуска в год.

– Не спрашивай, – хрипло и с усмешкой произнес я.

– Хорошо. Тогда позволь мне спросить тебя кое о чем, – она повернулась ко мне. Ее руки лежали на талии, обтянутой бледно-голубой униформой медсестры. – Можешь оказать мне услугу?

– Конечно, сестренка.

Я тепло улыбнулся, а «сестренка» добавил для того, чтобы она поняла: ни одна из вещей, которые я готов сделать, не включает *ее* саму.

Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, являясь официальным секс-символом города. Хотя люди продолжали принимать меня за Райана Гослинга из того фильма, где он встречался с надувной куклой, потому что у его героя были усы.

Я подумывал избавиться от них только потому, что мне все время казалось, будто люди представляют себе, как я таскаю за собой секс-куклу, но в итоге я привязался к этому ублюдку. Физически и духовно.

– Мою сестру Несси завтра нужно отвезти в порт. Ее машина сломалась, а мои родители повезут нас с Уайаттом. Плюс, с нами еще будет Мишка.

Провести час в замкнутом пространстве с Теннесси Тернер?

Не вопрос. Только вот никто бы так не ответил. Никогда.

Но я был мистером Совершенство.

Отказать – означало признать себя фальшивкой.

Кроме того, я должен был как-то оставить в прошлом тот случай с ударом по шее. В будущем нам с Теннесси предстояло провести вместе бесчисленное количество Дней благодарения, рождественских каникул и крестин детей.

Лучше решить все сейчас, пусть и необдуманно, чем снова оказаться в подобной неловой ситуации через несколько месяцев.

– Конечно. Завтра я подвезу ее в порт.

– То есть тебе придется забрать ее из «Джерри и сыновья». Ты не против?

Я расстегнул свой белый лабораторный халат, добродушно улыбаясь.

– Там же лучшие молочные коктейли в городе. С удовольствием.

– Поможешь ей с сумками? Она не путешествует налегке.

Ни за что.

Один только лак для волос и каблуки могли бы потопить «Элейин».

– Дорогая, считай свою сестру моей сестрой. Я помогу ей со всем, что нужно.

Тринити запищала, странно размахивая руками, словно пытаясь взлететь.

– Оу. Спасибо тебе большое! Ты лучший! – Она уже готова была уйти, но остановилась у двери, прикусив губу. – А, еще, я просто хотела сказать: так здорово, что ты с Габриэллой. Я думаю, что вы очень подходите друг другу.

А вот и тревожный звоночек.

Габриэлла до сих пор не сказала своим подругам, что мы расстались? Не сказать всем – это одно. Но не сказать лучшей подруге?

Я собирался прояснить ситуацию и убедиться, что все знают, что я свободен.

...но сначала я должен был пережить это наказание в виде круиза.

Пять Теннесси

Мы неслись на всех парах, но опаздывали.

На самом деле, «неслись» – совсем не то слово.

Скорее, мы очень быстро ползли.

Естественно, по моей вине.

Мы с Крузом попали в послеобеденную пробку в Порт-Уилмингтон. Его Audi двигалась со скоростью улитки, застряв среди сотни других машин.

Он был восхитительно вежлив и молчалив всю дорогу из Фэйрхоупа, но, судя по пульсирующей жилке на его виске, которая была любопытного гранатового оттенка, я была уверена, что он вот-вот ударит меня.

– Напомни мне еще раз, – пробурчал он, с силой сжимая руль. – Что задержало тебя в «Джерри и сыновьях» на сорок минут, пока я слонялся по стоянке, как наркодилер класса «Б»?

Я задержалась, потому что мою новую коллегу-стажерку, Трикси, мать-одиночку с двумя детьми, бросил муж, явно идиот, ради молодой модели всего три недели назад.

У нее был нервный срыв – что неудивительно, ведь это была ее вторая смена и она никогда в жизни не работала, – и мне пришлось подменить ее и помочь обслужить столы.

Конечно, я не собиралась рассказывать об этом или объясняться с надменным дураком.

Я ничего ему не должна.

– Я уже говорила. – Я опустила солнцезащитный козырек и открыла зеркало, чтобы подчеркнуть форму верхней губы помадой приятного розового оттенка. – Я должна была подобрать цвет помады, сочетающийся с моим нарядом.

– На тебе форма официантки.

– Именно. Ты знаешь, что существует более тысячи оттенков розового?

– А ты знаешь, – ответил он, – что «Элейшн» отправляется через пятнадцать минут и мы пропустим круиз?

– Ерунда, – я пренебрежительно отмахнулась. Секрет был в напускной уверенности. – Мы успеем, и все будет замечательно.

– Это взаимоисключающие вещи. Если ты будешь там, ничего замечательного в этом круизе не будет.

– Ой, – сказала я, очень ровно, чтобы подчеркнуть, что мне все равно. – Разве мы не можем просто поладить?

– Шансы на то, что мы когда-нибудь поладим, улетучились, когда ты ударила меня по горлу шесть лет назад.

Я не могла поверить, что ему хватило дерзости поднять эту тему как бы невзначай.

– Я целилась тебе в лицо.

– Вы по-прежнему так же бездарны, как и жестоки, мисс Тернер.

– Что случилось с «прошлое остается в прошлом»?

– В нашем случае это неприемлемо. Ты бы избила меня до смерти, если бы не свидетели. Я ностальгически улыбнулась.

– До смерти? Нет. Но я бы, наверное, повредила драгоценности в твоей короне.

Он заскрежетал зубами, глядя на пробку сквозь очки-авиаторы в тонкой оправе. Винтажные и, вероятно, дорогие.

Он выглядел как герой войны в фильмах с Томом Крузом. От этого у меня подгибались ноги каждый раз, когда я смотрела на него. Может быть, именно поэтому мне нравилось раздражать его – и эта стиснутая челюсть!

Я повернулась лицом к окну и включила радио. Ферги пела о своей прекрасной груди. Я празднично подумала, стоит ли мне попытаться счастья в написании текстов. Это не так уж сложно, если *эта* песня попала на радио.

Я пыталась подбодрить себя, убеждая, что это первый настоящий отпуск Мишки и он в полном восторге от этого. Кроме того, десятидневный круиз должен был дать мне столь необходимую дистанцию от Роба, который звонил каждый день последние две недели, но в остальном держался в Фэйрхоупе в тени. И снова я хранила его тайну... вроде как.

Я все еще не затронула тему отцовства с Мишкой, но планировала сделать это в поездке. Повести его в один из хороших ресторанов на круизном лайнере и серьезно поговорить, как со взрослым. Это бы точно одобрил доктор Фил²⁰.

Голос мистера Совершенство прорезался сквозь пение Ферги.

– Послушай, этот круиз должен помочь нашим семьям лучше узнать друг друга. Я готов забыть о том ударе по горлу, если ты тоже будешь вести себя хорошо. Что скажешь?

– Хорошо. Да. Я попробую. Могу я позвонить сыну?

Почему я спросила у него разрешения, ума не приложу.

Я была взрослой женщиной, на рубеже тридцатилетия. Но, наверное, это все-таки была его машина.

Кроме того, Круз всегда казался мне старше, хотя между нами было всего два года разницы.

А еще, может, было бы неплохо хоть на полсекунды перестать препираться.

– Конечно, милая.

Я была уверена, что слово «милая» проскользнуло случайно, но оно все равно заставило бедра сжаться, а клитор очнуться от спячки.

Класс, Несси. Подожди, пока он не решит съесть мороженое во время поездки. Твоя вагина, вероятно, взорвется на весь бар.

Я позвонила по видеосвязи Мишке, который выглядел очаровательно в неоновом-зеленом и с растрепанными волосами. На заднем плане были слышны разговоры, смех и объявления, что означало, он уже на корабле.

– Привет, Медвежонок, – я ухмыльнулась. – Как поживает мой любимый мальчик?

– Очень хорошо, ма. Ты должна увидеть это место. Корабль безумно большой. Как город.

– Ну, милый, я уже в пути. Бабуля и дедуля с тобой?

– Нет. Нашли местную бригаду, которая направляется в Южно-Китайское море. Мы станем пиратами. Как думаешь, я буду хорошо смотреться с повязкой на глазу?

Тихое хихиканье Золотца рядом со мной подсказало, что это была шутка. Я нахмурилась.

– Не шути такими вещами со своей мамой, Медвежонок.

Он поморщился.

– Пожалуйста, не называй меня так на людях.

– Тогда не становись пиратом.

– Договорились.

В этот момент моя мама, солнечно улыбаясь, взяла телефон Мишки. По ее розовым щекам и «Маргарите» размером с ведро, которую она держала в руках, я поняла, что она навеселе.

Я заметила, что ожерелья и браслеты она выбрала непривычно скромные, и мое сердце сжалось от мысли, что она изменила себе, чтобы вписаться в аккуратную вселенную Кэтрин Костелло.

²⁰ Фил Макгроу – американский психолог, писатель, ведущий телевизионной программы «Доктор Фил».

– Несси, милая? – Она заглянула в телефон, как это часто делают пожилые люди, словно проверяя, не заперта ли я физически внутри маленького устройства. – Почему вы так долго? Уайатт и твоя сестра уже здесь. Костелло тоже.

– Меня задержали на работе, – я поморщилась.

Мама посмотрела на меня с отчаянием.

– Пожалуйста, будьте вовремя, Несси. Ты даже представить себе не можешь, как много это значит для твоей сестры.

– Я знаю, – сказала я мрачно. – Мы делаем все возможное. Мы успеем.

Я выключила звонок, чувствуя беспокойство. Если мы пропустим этот круиз, никто в моей семье не простит меня. Я вытянула шею, как будто могла что-то увидеть за лобовым стеклом.

– Мы уже приехали? – спросила я.

– Почти. Мы въезжаем в порт. Отсюда и задержка. Здесь невозможно припарковаться.

– Хм, – очень помогла я.

– Похоже, Мишка – классный парень, – сказал Круз, и мое сердце пропустило удар.

Мишка действительно был самым классным парнем на планете Земля. Объективно говоря, конечно.

– Естественно. Он похож на меня.

– Но не внешне.

Повисло короткое молчание. Мой мозг кричал, чтобы я не поднимала тему Роба. Но мой болтливый рот погрозил ему пальцем и лунной походкой направился прямо к неприятному разговору.

– Ты ведь знаешь, что Роб вернулся, да?

Круз быстро кивнул.

– Это маленький город.

– Ты уже разговаривал с ним? – спросила я. – Вспоминали о старых добрых временах?

– Почему тебя это волнует?

Мы были уже на парковке, и Круз искал место, тащась за Buick, которым управляла девятностодухлетняя женщина.

– Потому что вы лучшие друзья.

Неразлучные в подростковом возрасте.

Избранные в старшей школе Фэйрхоупа.

– Были, – поправил он. – И я собираюсь вскоре выпить с ним пива. Будет здорово. Я скучал по нему.

Конечно, скучал.

Они оба были самоуверенными всезнайками, просто в разных упаковках. Я не сомневалась, что Круз повел бы себя точно так же, как Роб, если бы я залетела от него в шестнадцать лет.

Внезапно я вспомнила все причины, по которым так страстно ненавидела Круза Костелло.

– Знаешь, что? – вздохнула я. – К черту. Я не смогу этого сделать. Я не могу быть милой с тобой.

– То же самое. Хотя было хорошо.

– Не для меня.

Он заехал на парковку.

Я отстегнула ремень.

– Так что можешь просто перестать притворяться джентльменом, когда я рядом. Я знаю правду.

Правду, из-за которой ты и получил по горлу.

Он недоверчиво усмехнулся, когда вышел из машины, обогнул ее и открыл багажник. Схватил мой ярко-розовый чемодан и швырнул его мне, заставив попятиться на босоножках с высокими завязками.

Он хотел заставить меня везти мой чемодан. Какой джентльмен.

– Теннесси?

– Да?

– Я настоятельно рекомендую тебе прямо сейчас снять туфли на высоких каблуках.

– Почему?

– Потому что мы побежим, и у меня уже как пять секунд нет желания тащить твой чемодан и твою задницу на корабль.

* * *

Мои ступни горели.

Это не метафора. Они буквально горели от бега босиком.

Сейчас они были размером с тарелку в «Джерри и сыновьях» и имели приятный оттенок красного, а полосы мертвой кожи напоминали бекон.

Я ковыляла, переваливаясь как уточка возле стойки регистрации, словно играла в игру «Пол – это лава». На прошлой неделе я сделала все, что входит в онлайн-регистрацию: оплатила Интернет и напитки, убедилась, что привязана правильная карта, распечатала и прикрепила заранее багажные бирки.

Вопреки распространенному мнению, я была не *такой* уж и неряшкой.

Женщина за стойкой регистрации (я была слишком измучена болью в ногах, чтобы понять, как на самом деле называется ее должность) вернула наши паспорта, выдала нам новенькие пропускные удостоверения (естественно, на своем Круз выглядел как с обложки, а меня она сфотографировала с закрытыми глазами) и вручила нам приветственный пакет, произнося фразы как робот:

– Большое спасибо, что вы выбрали круизную линию «Очарование океана»! Мы искренне надеемся, что вам понравится ваше пребывание здесь. Желаем вам прекрасно провести время!

Мы попытались проскользнуть мимо фотографа, который заставил нас с Крузом сфотографироваться вместе на фоне пошлого фальшивого фона корабля. Радость на ее лице померкла, когда она поняла, что я физически не могу изобразить улыбку сквозь боль.

Она спокойно сделала снимки, сказала нам, что мы можем купить их в фотогалерее (ни за что на свете), и весело указала на трап.

Несмотря на боль, я никогда в жизни не чувствовала себя такой счастливой.

Мы сделали это.

Мы были на корабле, пусть нам и пришлось ждать в очереди на регистрацию, которая, казалось, змеилась до самого Нью-Йорка (похоже, мы были не единственными опоздавшими – *ха!*). Наши чемоданы тоже уже были зарегистрированы и, должно быть, ждали у дверей в наши комнаты после ужина.

Но очередь закончилась.

Готово.

Сделано.

Финито.

Свободны, как птицы.

Когда оставляешь позади очередь измученных, раздраженных людей, всегда возникает глупое чувство высокомерия.

– Хочешь остановиться где-нибудь, чтобы ты надела сандалии, а потом найдем наши семьи?

Круз нахмурил густые брови, в тот момент его благородство преобладало над ненавистью ко мне.

Я покачала головой.

– Если я что-нибудь надену на свои ноги сейчас, станет только хуже.

– Для этого есть временное решение, – он пристально посмотрел на меня.

О да.

Тот бред, который он нес, когда мы еще были у машины.

– Если я позволю тебе нести меня, твой запах токсичной мужественности выветрится.

– Как ты догадалась? – Он выглядел искренне удивленным и потрясенным. – Это мой любимый одеколон.

Надо же. Доктор Костелло шутил.

Ура мне и тем десяти дням, которые я должна была провести с ним.

Через три минуты перепрыгивания с ноги на ногу я поняла, что наказываю себя, а не его.

– Ладно, – сказала я, сопротивляясь желанию напомнить, что это он виноват, ведь выбрал самую дальнюю от порта парковку. – Можешь понести меня.

– Уверена, что выдержишь мою вонь?

– Я задержу дыхание. Но не смей лапать меня.

– Я буду стараться изо всех сил.

– Не старайся, пообещай.

– Я выгляжу *настолько* отчаянно, по-твоему?

Я искренне задумалась. В конце концов, он встречался с одной из самых красивых женщин Фэйрхоупа.

– Не особо, но усы выдают в тебе эксгибициониста. Лучше перестраховаться.

Он подхватил меня с такой легкостью, что у меня вырвалось ленивое мурлыканье. Я позволила своим рукам бесцельно повиснуть, потому что держаться за его шею казалось слишком по-женски.

Тем не менее это было божественное, граничащее с эйфорией чувство, когда он нес меня на руках, словно мы были в медовом месяце, на глазах у десятков людей, которые поднялись на борт корабля и теперь ахали и охали, улыбаясь нам с откровенным восхищением.

«Посмотрите на эту пару. Они как Жизель²¹ и Том Брэди²², только терпимее».

«Он должен постоянно заниматься с ней оральным сексом, – очевидно, думают они, – а не только по выходным и после нескольких рюмок».

Если бы они только знали, что Круз больше всего на свете мечтает выбросить меня за борт, как якорь, и смотреть, как мое тело разрывает разъяренная стая тюленей.

Какая-то женщина толкнула мужа локтем и спросила, почему он не может быть таким же романтичным, а другой мужчина засунул два пальца в рот и присвистнул.

– Да, детка. Вот как.

За что, естественно, он получил подзатыльник.

– Они сказали, что они у аквапарка на верхней палубе, в баре, – подсказала я.

Круз направился к лестнице, потому что круиз закончится раньше, чем опустеет очередь к лифтам. Я решила, что он – мой любимый вид транспорта.

А еще у него очень сильные бицепсы.

Я старалась не думать о других способах покататься на нем.

– Позвони им, – приказал Круз.

²¹ Имеется в виду Жизель Бюндхен, бразильская супермодель и актриса.

²² Игрок в американский футбол.

Мой телефон уже был прижат к уху.

– Здесь внизу нет сигнала.

– Здесь довольно шумно, – сказал Круз, когда мы поднялись на верхнюю палубу и я наконец-то смогла поймать сигнал, правда, попала только на голосовую почту Мишки.

Аквапарк.

Мишка не шутил.

Это место и правда было огромным, как город.

– Спасибо, Капитан Очевидность.

– Не за что, зловредная Женщина-Кошка.

– Вам идет остроумие, доктор Костелло.

– Видела бы ты то, что за ним.

Это был первый раз, когда мы ступили на грань флирта, и даже в этом было достаточно яда, чтобы убить стадо слонов.

– Возможно, я приму твоё предложение, – с сарказмом проговорила я. – Все в Фэйрхоупе знают, что я легко отдаюсь.

Он резко остановился, опустил голову, а его темно-синие глаза потемнели. Внезапно мы уставились друг на друга, наши носы были ближе, чем в дюйме друг от друга, и шум, крики, смех и дети, прыгающие в бассейны, перестали существовать.

Круз Костелло выглядел... *голодным*.

И не до еды.

Мое сердце упало в лужу чего-то теплого и липкого, я сдержала желание облизать губы.

На мгновение мне показалось, что он собирается меня поцеловать. Он еще крепче прижал меня к своей груди, мускулистой, как у греческого бога, и каждое нервное окончание в моем теле затрепетало.

Нутро превратилось в густую, сиропообразную жидкость... и тут я вспомнила, кто он такой и что он со мной сделал.

А также то, что у него была девушка, которую я ненавидела (иногда, в моей голове).

Я отвернулась в другую сторону, демонстративно глядя на свои двухдюймовые ногти.

– Что это было, черт возьми, Костелло?

– Ничего, Тернер. Ты просто странно на меня смотрела, поэтому я искал явные признаки сердечного приступа. Кстати, твои зрачки расширены.

– Ага. Просто помни, что у тебя есть девушка.

– Вообще-то нет.

Я не должна была почувствовать возникшее от его слов ликование.

Он продолжил нести меня на руках. Только теперь он шел медленно. Я чувствовала, как его раздраженные шаги отдаются в моем позвоночнике.

Мы все еще не увидели никого из членов нашей семьи в баре. Здесь было полно людей, все шумели и находились в разном состоянии раздевания и опьянения.

Запах тел, хлорки и дешевого алкоголя проникал в мои ноздри. *Святые небеса*. Почему никто никогда не догадался сделать из этого запаха духи?

– *Оу-у-у*. – Я картинно положила руку на сердце. – Но вы так идеально друг другу подходили. ЗОЖ пара года. Так что, я следующая, кого ты решил завоевать? Чтобы быстренько забыть бывшую?

– Это не в моем стиле.

Мне показалось или он не стал категорически все отрицать?

– Так почему ты выглядел так, будто собираешься меня поцеловать? Потому что я не падаю к твоим ногам? – поддразнила я.

– Обычно мне нравится, когда мои спутницы находятся на уровне моего паха. Если они у моих ног, значит, они что-то делают не так.

– Ты мерзкий. А еще – сексист.

– Я такой, какой есть. А еще – нет, я просто отвечаю тем же. Что, к твоему сведению, всегда делаю. В любом случае, ты сказала, что я могу быть самым собой рядом с тобой, так? Так вот это я. Хочешь – принимай, хочешь – нет.

– Я выбираю «нет», – решительно сказала я, мое сердце билось со скоростью тысяча миль в минуту, не понимая, что происходит.

Мы действительно обсуждали секс?

– Ну, милая, я никогда не был твоим изначально. А теперь позвони своим родителям еще раз. Я попробую дозвониться маме.

Круз опустил меня на пол, сытый по горло моим ехидством. Я впервые увидела океан. Он был бесконечным, голубым и многообещающим, расстился у моих ног, и я напонила себе, что через несколько минут мне вообще не придется иметь дело с мистером Горячий-Прегорячий.

Я буду слишком занята своей семьей, сыном и загаром.

Больше не нужно плести корзины, не нужно обслуживать столы. Все наконец-то, *наконец-то* налаживалось.

Я позвонила маме, потом отцу, потом Мишке. Я ждала, пока Мишка возьмет трубку, когда услышала голос матери Круза, прорывающийся через динамик его телефона.

– Круз? Где ты, дорогой?

– На верхней палубе. Бар в аквапарке. Мы ищем вас.

Я повернула голову и увидела, что он разговаривает по видеосвязи со своей матерью, шагая из стороны в сторону. Я была не единственной, кто пялился. Все женщины круизного лайнера глазели на этот кусок первосортного мяса. Некоторые мужчины тоже.

Глупая гордость наполнила мою грудь. Все могли смотреть, но он был со мной. Но затем меня охватил ужас, потому что мы не только НЕ были вместе, он буквально изо всех сил пытался от меня отвязаться.

– Да. Мы в лаундже, справа, сзади. Ты увидишь красивую люстру, сделанную из пустых винтажных бутылок из-под ликера. Очень красивая. На мне платье цвета слоновой кости и соломенная шляпка, а на Донне... о, я не знаю, *что* на ней надето, дорогой. Эти люди не увидят хороший стиль, даже если он ударит их по голове.

Что ж.

Уверена, я не должна была *этого* слышать.

Я не сомневалась, что меня причисляют к *этим* людям. Голубые воротнички Фэйрхоупа. Крузу хватило порядочности бросить на меня извиняющийся взгляд, прежде чем поспешить в заднюю часть бара аквапарка.

– Я не вижу лаунджа. Уверена, что вы в аквапарке?

– *Возле* аквапарка.

– Никаких люстр я тоже не вижу. Только бар, похожий на желтую подводную лодку.

В животе зародилась паника. Раздался гудок корабля, заглушив биение моего сердца.

– Может, встретимся где-нибудь в другом месте? Я могу подождать тебя у спа-салона на девятнадцатой палубе.

– Здесь только восемнадцать палуб, мама.

– Глупости, Крузи. Можно подумать, что человек, закончивший медицинскую школу, не умеет считать.

Паника ползла вверх, вверх, вверх к груди, от чего дышать стало почти невозможно.

Круз перестал вышагивать, устало потер лицо и покачал головой.

– Это написано прямо в брошюре, мама. У «Элейшна» восемнадцать палуб. Посмотри.

– У «Экстаза»²³ девятнадцать палуб. Проверь сам, и почему мы вообще начали этот разговор?

Ком паники теперь перекрывал горло.

Я не могла сделать вдох.

Подступила тошнота.

Блин, блин, блин.

Круз медленно повернулся ко мне, в его бездонных океанских глазах горело обвинение. Тем временем «Элейшн» выбрал именно этот момент для отплытия, покидая порт, пока сотни отдыхающих прижимались к бортам, наблюдая, как он удаляется от суши.

– «Экстаз»? – повторил он для меня, а не для нее.

– Да, дорогой. А что? Подожди, на каком ты корабле?

В конце фразы послышался нервный, не-может-быть смешок.

– «Элейшн», – сказал он ровно, его взгляд не отрывался от меня, становясь горячее, темнее, страшнее.

Я хочу к мамочке.

– С какой *статии* ты на «Элейшне»? – взорвалась его мать.

Вокруг нее наши семьи начали горячо обсуждать произошедшее. Слова «почему?», «только не это» и «это она виновата» повисли в воздухе.

– Очень хороший вопрос, мама. Почему бы тебе не дать мне возможность ответить на него после того, как я сам все выясню?

С этими словами он прервал звонок и повернулся ко мне всем корпусом. Единственным утешением было то, что мы находились среди огромного количества людей, так что вряд ли он выбросит меня за борт.

И все же.

– «Элейшн», – сказал он ровно. Его голос был грубым, мертвым и таким холодным, что у меня по позвоночнику пробежала дрожь.

Я прикусила нижнюю губу.

– Я запомнила лайнер на букву «Э».

– Ты запомнила. – Он направился ко мне, очень спокойный, и все же его вид устрасал, словно он Майкл Майерс²⁴. – Но тебе не пришло в голову, ну, не знаю, *перепроверить*?

Я сделала шаг назад, отступая к приподнятому помосту, на котором проходил конкурс мокрых футболок, пытаясь избежать его гнева.

Я чувствовала себя не просто глупой, я ощущала безысходность своего положения, потому что знала, что все сейчас обсуждают, насколько я бесполезна. Какое чудо, что я могу хотя бы держать поднос и принимать заказы на блинчики.

– Вполне способна забронировать два билета на круиз, – передразнил меня Круз, делая еще один шаг ко мне, как хищник к добыче. – Так ты сказала в закускойной. Должен ли я был уточнить, что имел в виду НАШ СЕМЕЙНЫЙ КРУИЗ?

– Я... Я... Я...

Но оправдания застряли в горле.

Невозможно было оправдать то, что произошло.

Я была пьяна, взволнована возвращением Роба и совершила огромную ошибку. Я перепутала «Элейшн» с «Экстазом», и теперь я вспомнила, почему: как только родители сказали мне, что Костелло покупают нам круиз, я начала изучать лайнеры.

²³ Наслаждение (*англ.*).

²⁴ Главный злодей из фильмов ужасов «Хэллоуин».

Я то и дело заглядывалась на «Элейшн», потому что он казался самым приятным и на него были отличные отзывы. Хотя теперь, когда я делила его с мужчиной, который хотел меня утопить, толку от этого не было.

– Можно вернуть милого и фальшивого Круза?

Я вздрогнула, когда он оказался так близко, что я практически почувствовала его запах. Дразнящий аромат кожи и сандалового дерева – запах богатства, а еще резкий, сильный мужской мускус.

Его тело было твердым и большим по сравнению с моим и гудело от желания что-нибудь сломать. Предпочтительно мои кости.

Я прижалась спиной к приподнятому помосту. Позади меня женщины хихикали и сравнивали мокрые футболки. Мне некуда было бежать.

– Нет, – прошептал он, его мятное дыхание раздувало мою высокую прическу, напоминающую трехъярусный торт-улей. Я зажмурилась. Может быть, если я не буду смотреть на него, он исчезнет. – Милый Круз мертв для тебя, Тернер. Господи. Не могу поверить, что ты на самом деле такая... чертовски... глупая!

Из всех оскорбительных вещей, которые люди говорили обо мне на протяжении многих лет, я искренне считала это самым обидным.

Во-первых, потому что это сказал Круз, человек, который был не способен обидеть даже муху, даже если этой мухой была я, и который специально посвятил свою жизнь работе с людьми, помогая им почувствовать себя лучше.

Во-вторых, потому что на этот раз я ему поверила.

Я была глупой.

Я отвернулась, изо всех сил стараясь не расплакаться, понимая, что мы собрали небольшую любопытствующую аудиторию. Моя способность разрыдаться в мгновение ока была легендарной и становилась большой проблемой в возрасте двадцати девяти лет.

Я постаралась сохранить спокойный тон.

– Я предлагаю нам обоим пойти в наши комнаты, чтобы прийти в себя и поговорить об этом, когда ты немного остынешь.

– Правда? – спросил он.

– Да.

– Посмотри на меня сейчас же, Теннесси.

Я подняла взгляд от пола палубы, используя всю свою храбрость. Он держал перед моим лицом наши посадочные талоны.

– Тебе ничто не кажется странным?

Я моргнула. Я не могла ничего разглядеть, адреналин перенасытил кровь.

Естественно, я чувствовала себя еще глупее.

Я практически слышала его мысли.

Она не умеет читать. Невероятно. Мой брат женится на женщине, чья сестра безграмотна.

– В чем дело? – подавленно прохрипела я.

– Сколько кают ты видишь?

– Одну.

– И сколько нас?

– Двое.

– Умничка. Теперь осознай цифры.

Я повесила голову от стыда. Насколько я была пьяна, когда заказывала билеты?

Очень сильно, судя по всему.

Я больше не могла сдерживать слезы, но не хотела, чтобы он видел их, поэтому толкнула Круза в грудь, повернулась и убежала, оставив его прямо там, в окружении женщин в бикини и мокрых футболок и мужчин, которые звали их сойти со сцены и подарить поцелуй.

Ступни все еще горели, но я была совершенно опустошена, чтобы чувствовать боль, пока бесцельно бродила по кораблю. Мишка пытался перезвонить мне, но я засунула телефон в карман, переключив в режим ожидания.

Я не могла смотреть в глаза сыну, пока по щекам текли горячие слезы после того, как я провалила очередное простое задание. Честно говоря, я в принципе не могла смотреть ему в глаза после этого.

Мама, папа и Тринити тоже звонили, но я не хотела ни с кем сейчас разговаривать.

Вместо этого я продолжала ходить кругами.

Эта моя беспомощность, моя убогость ощущались как симптомы чего-то большего.

Всего моего существования.

Шесть Круз

Я не мог поверить в существование этой женщины.

Она была чертовой ходячей угрозой в откровенном платье.

Я не должен был позволять ей заниматься бронированием билетов. Это она была той самой девушкой, которая залетела под зрительскими скамейками футбольного поля школы Фэйрхоуп, когда их с Робом заметил я, его правильный друг.

Я слишком хорошо помнил эту сцену.

Кара Лафлин подлизывалась ко мне, пытаясь окольными путями заставить пригласить ее на бал, а я думал только о том, что Роб лишает девственности Теннесси Тернер в нескольких футах от меня.

Я слышал его дикие стоны, как будто он боролся со свиньей, а не занимался сексом со своей любимой девушкой, и лишь один ее тихий вздох.

Четыре месяца спустя Теннесси бросила школу и начала носить мешковатую одежду; мы все знали, что это значит.

Не помогло и то, что Роб порвал с ней, а, напившись после выпускного, когда мы все были в беседке у библиотеки, забрался на крышу белой пагоды и прокричал:

– Я был в Теннесси, и это было чертовски здорово!

Эта женщина на вопрос «Что хорошего в „Джерри и сыновьях“?» ответила: «Уборные. Иногда. Когда их чистят».

И этой женщине я доверил забронировать нам билеты.

Мне некого было винить, кроме себя.

Вместо плана Б я отправился искать нашу каюту, которая была просторной для круиза (низкого ранга), но слишком тесной, чтобы избежать женщины с характером размером с Миссисипи.

Затем я взял свой спасательный жилет и отправился на занятие по учебной тревоге.

Любой, кто когда-либо был в круизе, знает, что здесь больше шансов стать первым астронавтом-единорогом, чем избежать дежурства по учебной тревоге. Объявления, такие громкие, что разбудят даже мертвого, трезвонят на всю каюту, превращая жизнь в ад, и не прекращаются до тех пор, пока не придешь на занятие.

Один из сотрудников круиза просканировал мое удостоверение личности, подтвердил его и указал на место в углу зала для комедийных выступлений, где я должен был пройти подготовку.

Пока я ждал тридцатиминутного инструктажа по технике безопасности, я пытался вспомнить, как Теннесси Тернер стала моим врагом (единственным) в Фэйрхоупе.

Я точно знал, почему я ее ненавижу, хотя мои мотивы могли быть не совсем справедливы, но я не имел ни малейшего представления о том, почему она ненавидит *меня*.

Я знал о самом факте ненависти, потому что она была одной из немногих жителей Фэйрхоупа, которые предпочли мне врача в Уилмингтоне.

После подготовки я подошел к стойке обслуживания гостей, вокруг которой значительно опустело, и спросил, можно ли подплыть к ближайшему острову и присоединиться к «Экстазу».

– Ну... – представительница в отглаженной униформе робко улыбнулась. – Проблема не в том, чтобы сойти с «Элейшна», а в том, чтобы найти свободные места на «Экстазе». Не говоря уже о том, что оба круизных судна окажутся на одном острове примерно в одно и то же время только на четвертый день в зависимости от погоды.

– Что насчет чрезвычайной ситуации?

– У нас есть собственная медицинская клиника, полностью оборудованная, и вертолетная площадка для экстренных случаев. Не могли бы вы объяснить мне ситуацию? Возможно, тогда я смогу помочь, – обнадежила представительниц.

Я бы и рад, но я сам не очень хорошо ее понимал.

– Может быть, у вас есть свободные комнаты? – вздохнул я. – Заплачу сколько угодно.

Все что угодно.

Выглядело так, будто моя аренда Audi Q8 заканчивалась через полсекунды и я отчаянно готов был переест на Land Rover Sport, но, черт возьми, желание оказаться подальше от этой женщины перевесило все остальное.

– Нет, мне очень жаль.

– Мне тоже, – пробормотал я.

Я все равно оставил ей свои данные и номер каюты и попросил сообщить, смогу ли я избежать этой неожиданной вечеринки со старшей сестрицей Тернер.

Думаю, я три или четыре раза обронил фразу «деньги не проблема», отчего почувствовал себя смазливym лос-анджелесским сутенером, но отчаянные времена требовали отчаянных мер.

После этого я устроил себе экскурсию по популярным палубам, знакомясь с окружением. Говоря о круизных лайнерах, «Элейшн» был, пожалуй, лучшим из тех, на которых я бывал.

Здесь была дюжина ресторанов, салоны красоты, два аквапарка, два казино, теннисный корт, торговый центр, библиотеки, бары, кинотеатр, каток, театр сценических искусств, подводная лодка и американские горки.

Я начал остывать и неосознанно (ну, очевидно, не настолько уж и неосознанно) следил за Теннесси. Я все еще был достаточно зол, поэтому о том, чтобы написать ей СМС, не могло быть и речи – она подвела нас обоих, и я не собирался спускать это на тормозах, – но она выглядела по-настоящему расстроенной, когда мы разошлись, а я никогда не видел на ее лице ничего, кроме чистой, упрямой гордости. Кроме того, я знал, что она, вероятно, переживает из-за разлуки с сыном. Они были привязаны друг к другу с самого его рождения. Наверное, было тяжело осознавать, что они не на одном корабле.

Мне втайне нравился ее задор.

Насмешливое отношение к Фэйрхоупу. Как она не отступала, не уходила, не пыталась убедить всех, что она не та, за кого они ее принимают.

Фэйрхоуп плохо с ней обошелся: она совершила всего одну ошибку и поплатилась сполна, но в случившемся была не только ее вина.

Правда, ей было трудно сосредоточиться, и она время от времени ошибалась с заказами в закусочной, но я списывал это на невнимательность или на то, что она не успевала выполнять часть дерьмовой работы, но никак не на глупость. Пообщавшись с этой женщиной, можно было сказать, что она была кем угодно, но, черт возьми, точно не идиоткой.

Я нашел Теннесси через три часа после того, как мы расстались, именно там, где я и предполагал, – она сидела у открытого бара, демонстрируя загорелые ноги и белые зубы. Ранее администратор на стойке регистрации подтвердила наличие пакетов «безлимитных напитков» в наших удостоверениях.

И, конечно, Теннесси была Теннесси, она уже воспользовалась этой услугой и потягивала белый коктейль с вишенкой «Мараскино», свисающей с ее полных губ, все еще одетая в рабочую форму. Она болтала с мужчиной лет шестидесяти.

Даже издалека я мог сказать, что она бесстыдно флиртует. На нем были брюки-бермуды, гавайская рубашка, а на лице застыла полупьяная ухмылка, которая без слов говорила, что он хочет с ней сделать.

Вероятно, Теннесси прокладывала путь к его бумажнику. По городу ходили слухи, что она забеременела от Роба специально, чтобы удержать. С другой стороны, ее искреннее желание порезвиться на глазах у всех с мистером Богатым Туристом не должно было удивлять меня, учитывая ее репутацию, но все же удивляло.

Как бы то ни было, когда я увидел, как она мурлычет и хихикает, словно все было в порядке, в крови по новой забурился гнев.

Я направился к ней, нацепив лучшую улыбку врача, которому все доверяют, и провел рукой вдоль ее позвоночника, запустив пальцы в залакированные светлые волосы.

Я бы поцеловал ее в висок, если бы знал, что это не приведет к моей бесплодности.

Она резко отшатнулась. Взглянув на меня, она стерла с лица улыбку, и должен признать, меня еще больше это разозлило. У нее была чуть ли не аллергия на меня, хотя я оставался любимцем всего города.

– Милая.

Я убрал прядь волос ей за ухо, удивляясь тому, насколько маленькой и приятной Теннесси была, даже когда изо всех сил старалась выглядеть как драг-квин версия Кристины Агилеры.

Ее губы были полными и от природы пухлыми, цвет глаз – между ореховым и зеленым, а нос – таким курносый, что его так и хотелось ущипнуть.

– Простите, сэр, я вас знаю? – холодно спросила она.

Теннесси смотрела на меня так, будто меня только что подменили, и не понимала, откуда взялась моя непринужденность. Мужчина мельком взглянул на нас и слегка повернулся на барном стуле, чтобы рассмотреть меня.

– Очень смешно... миссис Вайнер.

Я проскользнул между ними, оказавшись к нему спиной и опершись локтем на стойку. Мне было плевать, что это невежливо. Никто на этом лайнере не знал меня, кроме Теннесси, а ее слова ничего не стоили в Фэйрхоупе.

– Я искал тебя повсюду.

– Вы... мистер Вайнер? – спросил мужчина за моей спиной.

– Единственный и неповторимый, – подтвердил я.

– Так это ваш муж? – этот вопрос был адресован Теннесси.

– Тоже да, – ответил я в тот же момент, когда она поправила меня:

– Кузен.

Я отступил, чтобы они могли видеть лица друг друга. Впервые с тех пор, как я попал на этот проклятый корабль, я испытывал нечто, хотя бы отдаленно напоминающее веселье.

Лицо Теннесси было красным, как спелый помидор. Старик побледнел, но, взглянув на ее стройные икры, расправил плечи и решил попробовать еще раз.

– Вы замужем за своим кузеном? – спросил он медленно, словно размышляя, все ли это меняет.

Теннесси перевела взгляд на меня, пронзив взглядом, который обещал медленную, мучительную смерть, включающую в себя пытки, голод и удушье.

– Мы разводимся. – Она жеманно поиграла пластмассовой сережкой, изображая настоящую лисицу.

Я перекинул руку через ее плечо и повернулся к нему.

– Мы уже разводились. Но решили дать нам последний шанс. Поэтому-то мы здесь, в этом круизе. Это наш второй медовый месяц.

– А где прошел первый? – Мужчина хмуро посмотрел на нас, явно что-то заподозрив.

– В Париже, – сказала Теннесси, и в то же время я ответил:

– На Фиджи.

Он сделал неторопливый глоток пива, ожидая, пока мы разберемся в наших историях.

Но хотя мне было совершенно наплевать на то, что он думает обо мне – наконец-то я оказался на неизведанной территории, где мог раскрепоститься и не быть идеальным, – то моя спутница вертелась и краснела, было видно, что ей трудно объяснить мое существование.

– Сначала мы поехали в Париж, на выходные, но потом он захотел поехать на Фиджи. А мы всегда делаем то, что он хочет. Вот почему мы разводимся. Потому что мистер Вайтер любит, чтобы все было либо как считает он, либо никак. Он, видите ли, любимчик нашего города.

Мужчина понимающе кивнул, зарываясь рукой в миску с горошком-васаби и бросая горсть в рот.

– Я тоже прошел через это. Дважды разведен, у меня трое детей от разных жен. После второго развода жизнь меня здорово потрепала. Напомнила, что солнце из моей задницы не светит.

– Да! – Теннесси хлопнула в ладоши, радуясь, что у нее появился союзник. – Я не желаю зла людям, но я надеюсь, что мой вскоре бывший муж узнает, что он, на самом деле, смертен.

– Не думаю, что ты рассказываешь всю историю целиком, дорогая. – Я убрал руку с ее плеча, чтобы взять загадочный белый коктейль и сделать глоток. На вкус он был как кокос, обугленный зефир и джин. – Расскажи, почему мы на самом деле оказались супругами на Фиджи.

Теннесси открыла рот, чтобы остановить меня, но мной уже завладели месть, гнев и что-то еще, чему я не мог дать четкого названия, но от чего моя кровь стала еще горячее.

– Как вас зовут? – спросил я мистера Богатого Туриста.

– Брендан.

– Итак, Брендан, вот он я, новобрачный на Фиджи, безумно счастливый и глубоко влюбленный... в свою кузину.

На этот раз я вправду поцеловал Теннесси в макушку. Я почувствовал, как она напряглась. Даже ее волосы были горячими от стыда.

Она сделала вид, что обняла меня за талию, а на самом деле впилась когтями в пресс, пуская кровь.

Я проигнорировал боль и продолжил:

– Я хотел удивить ее, подарив ожерелье из черного жемчуга. Лучшего места для этого, чем Фиджи, не найти, верно?

– Жемчуг мне не нравится. – Теннесси сделала вид, будто рассматривает свои ужасно длинные ногти. – По сути, это волдыри устриц. Вы знали об этом? Устрицы производят их, чтобы облегчить боль, когда мусор застревает в их телах.

– Пожалуйста, извините ее, – я лучезарно улыбнулся, поглаживая ее по плечу. – Моя благоверная выросла с волками. Она не очень умеет вести беседы. В общем, моя жена сказала мне, что будет ждать меня в гостинице. Тогда я не придавал этому значения.

– А должен был, – сурово сказала Теннесси. – К тому моменту я уже пять или шесть раз пыталась сбежать от тебя.

Я проигнорировал ее, смеясь и покачивая головой, как будто это было не более чем наше обычное подтрунивание друг над другом.

– В общем, вот я покупаю ей ожерелье из черного жемчуга, чтобы оно сочеталось с ее черным сердцем. Поднимаюсь в наш номер, а там... она не одна. – Теннесси закатила глаза, скрестив руки над своим щедрым декольте, когда убедилась, что выпустила достаточно крови под моей рубашкой.

– Это был парень из технического обслуживания. Мой любящий муж засорил туалет после того, как накануне вечером налопался морепродуктов.

Я продолжал, чувствуя, что безрассуден, невменяем и совершенно *не* похож на себя впер-
вые за многие годы.

– Милая, я не знаю, что он тебе сказал, но то, за чем я вас застал, не имело ничего общего с засорением унитаза, а рот тебе заткнуло классно.

Старый добрый Брендан поперхнулся пивом, закашлялся и выплюнул часть пены и горошка-васаби. Подошел бармен, протягивая нам три высоких стакана воды. Брендан выпил свой менее чем за две секунды.

– Ты изменила ему?

Он ткнул большим пальцем в мою сторону, мечта гром и молнии.

Теннесси неопределенно пожала плечами.

– Он изменил первым. С моей сестрой.

– Может, и так, но именно ты привела в наш брак третьего участника.

Она повернулась и бросила на меня яростный взгляд.

– Но это ты хотел секса втроем! – ткнула она пальцем мне в грудь.

– Я про гонорею.

– *Ладушки*. – Брендан встал, похлопал себя по карманам, чтобы убедиться, что бумажник, телефон и достоинство находятся на месте. – Я пойду в свою каюту. Вам, очевидно, нужно кое-что решить, и, честно говоря, уже поздновато, а я плотно поужинал. Приятно было познакомиться с вами, мистер и миссис... *Вайнер*.

Последнее было произнесено с содроганием.

Я с улыбкой помахал ему.

– Конечно. Может быть, мы как-нибудь сыграем партию в гольф.

– Да. Не знаю, как насчет этого. Я не очень люблю гольф.

Он уже был по другую сторону бара. Бедный, его утомила наша драма.

Я обхватил Теннесси рукой и сжал, моя улыбка стала шире.

– Скажи ему «пока-пока», кузина.

– Я убью тебя, – пробормотала она.

– О, милая, только если я не убью тебя первым.

Семь Теннесси

Признаться, я не болтала с Бренданом в баре.

Я вообще не должна была *быть* в баре.

Я направлялась к прогулочному помосту, погруженная в свои мысли и едва-едва справившаяся с очередным потоком слез и икоты, когда заметила, что с другой стороны палубы в огромном баре работает только один бармен.

Ему было не больше двадцати трех лет, он был взволнован, отчего под мышками у него было два огромных пятна пота.

Помощь другим всегда давала мне ориентир и успокаивала душу. Видеть кого-то, кто в этот момент может быть более напряжен, чем я, означало, что я могу помочь, пусть не себе, но кому-то.

К тому же мне нечего было делать, пока Круз Костелло, без сомнения, был занят тем, что рассказывал всему миру, какая я идиотка.

Кроме того, на мне все еще была форма «Джерри и сыновья», и я выглядела как официантка.

Если это была не судьба, то что?

Бармен – Стиви – чуть ли не поцеловал меня, настолько он был благодарен за помощь. Очевидно, обе коллеги, которые должны были работать с ним в эту смену, заболели, и он ждал, пока их сменщики переоденутся.

Я помогала ему всего двадцать минут, прежде чем пришли два бывалых бармена и спасли положение. Я была почти разочарована их появлением, поскольку получала довольно хорошие чаевые и отвлекалась от мыслей о попытке «Элейшн-Экстаз».

Я даже сделала мысленную пометку постараться найти работу в круизах до того, как Мишка закончит школу, чтобы накопить денег на колледж. Черт, та же работа, но не в городе, который меня ненавидит? Где тут минус?

Чтобы выразить свою признательность, Стиви принялся отправлять мне всевозможные модные коктейли – такие, за которые нужно было платить, а не получать бесплатно в пакете «безлимитных напитков».

И вскоре мне пришлось передать некоторые из них окружающим, чтобы избежать алкогольного отравления. Вот таким образом Брендан МакГинн из Луизианы решил завязать со мной разговор.

Все шло хорошо, и я даже начала понемногу успокаиваться, пока не появился Круз и не выставил нас обоих гнусными извращенцами.

Хуже всего было то, что его поведение застало меня врасплох.

Он никогда не вел себя так раньше. Ни теперь. Ни в старших классах.

Черт возьми, даже когда мы оба были малявками в местном детском саду.

Я знала, что Круз никогда не опозорит себя (и меня) подобным образом в черте города Фэйрхоуп. Но теперь, вдали от нашего городка, от нашего штата – очевидно, он пошел ва-банк.

Я официально стала объектом унижения ради его собственного развлечения.

Он был любимой всеми королевской особой и никогда не совершал ошибок. Но в течение следующих десяти дней планировал быть тем, кем являлся в собственном воображении.

А именно – моим мучителем.

Итак, мы с Крузом направлялись в каюту вместе, так как я не знала, где та находится, и очень старались не убить друг друга.

– Неужели это было необходимо? – прошептала я, двигаясь к лифту.

Плохая идея.

Мои ноги все еще не оправились от игры «Пол – это лава». Я не завидовала бедному ремонтнику, которому придется соскребать половину моей мертвой кожи с палубы сегодня вечером.

– Вовсе нет, но было очень весело.

– Хотела бы я, чтобы жители Фэйрхоупа увидели тебя во всей красе, болтающим о прелюбодеянии и инцесте.

– Не забудь про гонорею, – беззаботно произнес Круз.

– Серьезно, почему люди не видят, что на самом деле ты *бин*-нук? – спросила я как раз, когда лифт открылся.

Мы оба вошли внутрь вместе с тремя другими людьми, которых не замечали до этого момента, но они все это время глазели на нас с неприкрытым любопытством.

Круз, казалось, совсем был не против такого несвойственного ему внимания, а блеск в его глазах говорил мне, что он никогда не чувствовал себя так комфортно.

– Ну, во-первых, люди не так уж проницательны. Легко пустить им пыль в глаза. Во-вторых, я приберегаю эту часть своей личности специально для вас, миссис Вайнер.

– Я должна записать тебя на камеру, – пробормотала я.

– Я должен подать на тебя в суд.

– О да? – фыркнула я. – За что именно?

– За то, что врезала мне по горлу, а в этом году испортила единственный отпуск. Выбирай что хочешь.

– Ты врезала ему по горлу? – Девочка-подросток с фиолетовыми волосами и кольцом в носу, стоящая рядом с нами, повернулась ко мне, подняв кулак для удара. – Чувиха. Круто.

Я наклонилась к ней, прикрыв рот ладонью, словно рассказывала секрет.

– Он рухнул, как башенка Дженга²⁵. Это было прекрасно.

Все засмеялись.

Лифт открылся, и Круз вышел в узкий коридор. Я последовала за ним по темно-синему ковру с золотым тиснением. Двери были сделаны из тяжелого дерева глубокого красного цвета, в воздухе витал стойкий аромат цитрусовых, а также чистящих средств.

Круз просунул электронную карту в щель двери и толкнул ее. Я заметила, что, несмотря на его сильную неприязнь ко мне, он придержал дверь, чтобы я вошла первой.

Джентльмен навсегда.

– Чур, я первая в душ.

Я вошла, повалилась на единственную в комнате двуспальную кровать и вдохнула запах простыней, еще свежих после стирки.

Круз бросил электронную карту на стол рядом и прислонился к стене каюты. Комната была примерно вдвое меньше среднего гостиничного номера Holiday Inn, но безупречно отделана и очень чистая.

Тем не менее я не представляла, как я переживу десять дней в этом месте с Крузом Костелло.

– Дерзай, – сказал он. – Похоже, тебе душ нужен больше, чем мне.

– Имеешь в виду, что от меня воняет?

– Имею в виду, что наслаждаюсь каждой минутой, проведенной от тебя подальше.

– Тебе следует писать песни о любви, – лучезарно улыбнулась я. – Очень романтично.

– Ты ведь знаешь, что с соусом все вкуснее? – Он сделал нечестный выпад, скептически подняв бровь.

²⁵ Настольная игра, в которой игроки по очереди достают блоки из основания башни, делая ее более высокой и менее устойчивой.

Решив спасти хоть что-то в этой поездке, я не стала с ним пререкаться, расстегнула сумку, достала туалетные принадлежности и свежую одежду.

Я вошла в крошечную ванную комнату, сразу же открыла оба крана и душ на максимум, пытаюсь уединиться, и занялась своими делами. В конце концов, у меня было право выпустить несколько изящных пуков, не подвергаясь за это осуждению и находясь в комфорте своей ванной комнаты.

Я неторопливо приняла душ и вымыла голову, почистила зубы, намазалась всевозможными бесплатными кремами и влезла в свежую одежду, которую не забыла положить в сумочку, зная, что наш багаж могут доставить только после ужина. (Ладно, Круз напомнил мне взять платье до того, как мы сдали багаж, с язвительным комментарием о дресс-коде в столовой.) Я даже высушила волосы. У меня был соблазн заколоть их и сбрызнуть лаком, как и всегда, но потом я вспомнила, что я больше не в Фэйрхоупе. Я могла позволить себе быть кем-то другим, может быть, настоящей собой и не оправдывать общественные ожидания.

– Эй, Совершенное Совершенство, душ в вашем распоряжении.

Я вышла из ванной пружинистым шагом.

Круза не было.

* * *

Я нашла Круза в столовой тридцать минут спустя.

Я появилась там с красной помадой на губах в стиле Анны Николь Смит²⁶ и в облегающем черном мини-платье, которое не оставляло простора для воображения.

Назначенный нам столик почему-то оказался с видом на океан (я не верила, что удача имеет к этому какое-то отношение). Круз ужинал с женщиной, которая была одним из директоров круиза, единственными ее задачами было выглядеть потрясающе и показывать гостям, как здесь весело, убеждая их купить еще один круиз.

Она сидела на моем месте, хихикала и все время заправляла волосы за уши.

Отвратительно.

Неужели она не знала, что мы были фиктивно женаты?

Я прищурилась, пытаюсь понять, похоже ли это на свидание или нет.

Она была из тех привлекательных женщин, за которыми охотятся мужчины вроде Круза – брюнетка, миниатюрная, стройная, уверенная в себе, одетая неброско, но дорого.

В конечном итоге, однако, трудно было понять, намеревался ли он ее подцепить, потому что все, что я смогла разглядеть, это то, как он просит ее передать масло.

Я также заметила Брендана МакГинна. Он сидел в одиночестве за двухместным столиком и ел бургер, который предлагали только в детском меню. Брендан тоже заметил нас обоих и бросил на меня взгляд «какого черта», когда увидел Круза с леди – директором круиза.

Подойдя к Брендану, я села на свободное место, подозвала официанта, сказала ему, что буду то же, что и Брендан, и завязала разговор.

– Неплохой у тебя муж, – Брендан фыркнул.

– Он врач, знаешь ли, – похвасталась я.

Я была уверена, что это мой единственный шанс похвастаться тем, что мой муж – врач.

Да и вообще, что у меня есть муж, если уж на то пошло.

– А еще твой двоюродный брат.

Я небрежно махнула рукой, не понимая, почему меня так веселит безумие, придуманное Крузом.

²⁶ Американская супермодель, секс-символ 1990-х.

– Круз приемный. Его мать была циркачкой и во время беременности чего только ни вытворяла со своим телом. Он появился на свет со всевозможными проблемами. Ты не заметил, что его голова напоминает баклажан?

– Ну, раз уж ты на это указала... – Брендан запнулся, глядя, прищурившись, на Круза. Боже, как это раскрепощает.

Я кивнула.

– Что еще с ним не так? – спросил Брендан.

– Мне правда не стоит этого рассказывать.

– Продолжай. Я могу хранить секреты.

Я была уверена, что он не может постоянно держать при себе мобильный телефон, не говоря уже о секретах, но в этом и был смысл, не так ли?

– У него... эм, вообще-то в свое время о нем было написано несколько статей, – я прочистила горло и понизил голос. – У него два пениса.

– У него ЧТО?

Я повторила еще раз, и что-то встрепенулось в моей груди. Было так весело мстить Крузу.

– Теперь я все понимаю, – сказал Брендан. – Дело в сексе.

– Что ты имеешь в виду? – мрачно переспросила я.

– Вы оба страстные. Это видно по тому, как вы ссоритесь, у вас должен быть потрясающий секс.

Я искренне надеялась, что Брендан не служит в ФБР или ЦРУ, потому что интуиция у него была не на высоте, а он, кажется, полагал обратное.

– Да, жаль, что он собирается пригвоздить симпатичную брюнетку, директора круиза задней палубы, прежде, чем закончится ночь, – с горечью пробормотала я.

Брендан кивнул, вероятно, решив, что примет нас такими, какие мы есть, и не будет задавать слишком много вопросов.

Мы приятно поели и еще более приятно выпили.

Когда я оглянулась через плечо, чтобы посмотреть, закончил ли Круз трапезничать с той женщиной, я поняла, что он только начал.

К ним присоединились еще несколько человек, ее коллеги, судя по форме, и теперь они все выпивали.

Выпивали и время от времени поглядывали на меня, как будто и *он* рассказывал обо мне небылицы.

Внезапное осознание поразило меня, как землетрясение.

Круз был здесь, без семьи, вольный быть тем, кем хотел, в то время как я была вдали от Мишки впервые в жизни и, вероятно, не смогу увидеть его в ближайшие десять дней.

С момента рождения Мишки я не разлучалась с ним более чем на двенадцать часов.

Это было невероятно.

Боль от тоски по нему грызла меня, как ночное животное.

Быстро, пока логика не взяла верх над чувством жалости, я поцеловала Брендана в щеку на прощание и удалилась в свою каюту.

Когда я добралась до нее, то обнаружила, что мой чемодан вместе с чемоданом Круза ждет у двери.

Наши вещи были единственными в коридоре, рядом, но все еще достаточно далеко, как двое ссорящихся любовников.

Я решила занести оба чемодана, главным образом потому, что не хотела, чтобы Круз свалил на меня вину за кражу одного из его драгоценных носков от Hermes, или зубную нить из серебра, или еще какую-нибудь ерунду, на которую он тратит свою зарплату.

Я закрыла дверь, прижалась к ней спиной и закрыла глаза.

Когда я открыла их вновь, то заметила мягкое кресло кремового цвета, задвинутое под зеркальный стол. Я прижала его к двери, и спинка заклинила дверную ручку.

Затем я влезла в пижаму и скользнула в постель.

Я слишком устала, чтобы ждать реакции Круза на временное лишение каюты.

Оказалось, мне и не нужно было ждать.

В час ночи он забарабанил в дверь, как проклятый убийца, разбудив меня.

– Теннесси Тернер. Открой эту чертову дверь сейчас же.

Сев на кровати прямо, я затаила дыхание и уставилась на дверь, как будто он собирался проломиться через нее.

Я не со зла.

Я не хотела делить постель с Крузом Костелло.

Я не доверяла ему.

Кроме того, я ни с кем не делила постель за всю свою жизнь. Даже девственности я лишилась на прохладной траве под трибунами, поросшей сорняками.

Но главное, я думала, что Круз может сделать шаг, учитывая, что я была любимой блудницей нашего городка. И я не была уверена, что смогу отказать ему, как, конечно, должна.

– Я знаю, что ты не спишь, – прорычал он с другой стороны двери.

– Ага, – непринужденно ответила я. – И что?

– Я не собираюсь спать снаружи.

– Уверен? – я зевнула.

– Черт побери, Теннесси.

– Не поминай его всуе. Он не имеет никакого отношения к этой ситуации.

– Ты заплатишь за это.

– Могу ли я заплатить тебе теми же чаевыми, что и ты мне? Думаю, тебе стоит научиться хорошим манерам.

Снова опустив голову на гору подушек, я усмехнулась.

– Ну, по крайней мере, сегодня вы в безопасности от моей гонореи, мистер Вайнер.

Восемь Теннесси

– Могло случиться с кем угодно.

Мишка пожал плечами на следующий день, снова упомянув о фиаско с круизом, пока мы болтали по видеосвязи.

Я высоко держала телефон, расхаживая по каюте в своем ярко-розовом бикини, поверх которого набросила жемчужный халат, очень похожий на тот, что продают в магазине Victoria's Secret, а не на пляже.

Я направилась в ванную и сделала макияж.

– Нет, не могло. И вообще, этого ни с кем никогда не случалось. Но случилось со мной, – я сгримасничала, глядя в зеркало.

– Я просто не понимаю, почему тыставляешь нас в плохом свете.

А это уже произнесла моя мать, конечно же.

Она выглянула из-за спины Мишки, к ней присоединился отец, который одарил меня усталой ухмылкой и сказал:

– Привет, Несси.

– Надеюсь, ты хорошо обходишься с доктором Костелло, тыковка, – в мамином голосе слышалась нотка предупреждения. – Он хороший парень. И не заслуживает этой ситуации.

Этот хороший парень прошлой ночью рассказывал людям, что я его кузина и мы передаем друг другу венерические заболевания прямо перед тем, как пристать к кому-нибудь в юбке, хотелось мне закричать.

Но вместо этого я сказала себе, что, разговаривая с семьей, я использую сверхдорогой Интернет, за который заплатил этот придурок, так что не похоже, что карма его совсем не зацепила.

– Да, он знает, как мне ужасно жаль, – *врунишка, врунишка, горят твои штанишки.* – Где Тринити?

Мама посмотрела в другой конец комнаты и вздрогнула.

О, здорово.

Значит, Тринити была там и не хотела со мной разговаривать. Опять.

Я не знала, что именно произошло между нами.

Я всегда была близка со своей младшей сестрой – даже тогда, когда забеременела и стала позором семьи, – но в последние месяцы она отстранилась, стала холодной и, кажется, осуждала меня.

В этом не было никакого смысла.

Тринити всегда была той, кто вцеплялся в глотку любому, кто говорил обо мне плохо.

Она всегда защищала меня и утверждала, что люди издевались надо мной, игнорируя проступки Роба. Некоторые даже говорили, что понимают его решение: уехать, чтобы не портить себе жизнь.

Мы с Тринити не ссорились и не делали ничего такого, что могло бы послужить причиной нашей внезапной размолвки. Хотя я догадывалась, почему она стала держать меня на расстоянии.

Доктор Костелло-старший и его жена Кэтрин были, пожалуй, самыми почтенными жителями Фэйрхоупа. Если Тринити не обращала внимания на то, что говорили обо мне ее одноклассники, то мнение Кэтрин и Эндрю что-то да значило.

Она не хотела, чтобы я испортила отношения с Костелло ради ее собственного блага – ради ее будущего как члена их семьи.

Это означало, что я должна была приложить усилия и не напортчить с доктором Сата-ной. Если не для себя, то для нее.

– Поняла, – я обвела губы алой помадой. – Она не хочет говорить. Это нормально.

– Дело не в том, что я не хочу говорить. – Лицо Тринити появилось в камере телефона, на щеках горел яркий румянец. В остальном она выглядела бледной и обеспокоенной. И, если я не ошибаюсь, она была одета как монахиня, пытаясь произвести впечатление на своих будущих родственников. – Просто... Господи, Несси, Кэтрин такая заноза в зад...

– В задней поверхности бедра, – закончил за нее Мишка.

Он знал, что я не люблю ненормативную лексику.

– Именно, – согласилась Тринити. – А теперь она ходит и бормочет гадости под нос о нас. О Несси, она такая ужасная.

В груди полегчало от того, что она снова заговорила со мной. Может быть, виной был свадебный стресс?

– Послушай, мне очень жаль. Я ошиблась случайно. Что Уайатт говорит обо всем этом?

Я нанесла третий слой туши, ожидая услышать стук в дверь и обнаружить помятого Круза. До сих пор утро проходило без Костелло, но я не рассчитывала, что это продлится долго.

– Он ничего не говорит, – вздохнула Тринити. – Его родители – его кумиры. Он никогда не пойдет против них.

– Да он просто находка.

– Не дерзи мне, Несси. Ты не имеешь на это права после того, какой жизненный выбор ты сделала.

Ай.

– Ну, держись, ладно? Я извинюсь, когда увижу их. Я извинюсь тысячу раз. Клянусь.

Повесив трубку и накрасившись – не нужно было посещать психотерапевта раз в неделю, чтобы понять, что это была техника маскировки, призванная защитить меня от общества, – я вышла из комнаты, размахивая маленькой сумочкой из искусственного меха.

Я выглядела примерно так же стильно, как пятно от кетчупа на кроп-топе без бретелек, и меня это вполне устраивало.

В конце концов, меня нельзя было обвинить в том, что я пытаюсь заполучить члена королевской семьи во время круиза из Северной Каролины на Багамы.

За завтраком я нигде не могла найти Круза, что в значительной степени усиливало мое чувство срочной необходимости исправить все, что я натворила, внеся раздор между моей семьей и Костелло.

Затем, по пути к бассейну, я проскочила мимо библиотеки со стеклянными стенами и видом на океан и заметила его, сидящего в одиночестве, свежего, как маргаритка, в одежде, которую я видела на манекене за день до этого с прогулочного помоста в витрине Prada.

Черные шорты-бермуды, толстый темно-синий верх и большие дерзкие часы.

Он таки провел ночь в комнате леди – директора круиза.

Если кто и передавал кому-то венерические заболевания, так этот гаденыш. Я взяла себе на заметку не взаимодействовать слишком тесно с Габриэллой Холланд, когда мы будем при- мерять платья подружек невесты.

Он потягивал эспрессо и просматривал новости на айпаде, прикрепленном к столу про- водом безопасности.

Сделав несколько успокаивающих вдохов, я толкнула стеклянную дверь в библиотеку и стремительно направилась к нему, не оглядываясь по сторонам, пока не оказалась прямо перед Крузом.

Низкая лифтовая музыка заполнила комнату, в которой было полно мужчин от пятиде- сяти пяти лет и старше. Мне стало интересно, в какой именно момент времени Круз Костелло превратился из лихого парня со стальными булочками в пенсионера из Флориды.

– Знаешь, что постоянное чтение новостей почти так же вредит сердцу, как курение? – выпалила я, потому что сказать глупость всегда было проще, чем извиниться.

Он не оторвал взгляда от айпада, проводя по нему пальцем, чтобы перевернуть страницу.

– Я этого не знал, потому что это неправда. Сошлись на источник.

– Журнал «Южная красotka».

– Позволь мне остаться скептиком. Это твоя версия извинений? – Его слова пронзили меня насквозь.

Черт, у него был хороший, низкий голос.

– Если я извинюсь, то и ты должен.

Он поднял голову, откинувшись на спинку плюшевого коричневого кресла, в котором сидел.

В мои ноздри ворвался неразбавленный древесный аромат, от которого у меня задрожало все ниже пупка.

– Почему?

– Ты сказал Брендану, что мы кузены, женаты и заражены венерическими заболеваниями. Именно в таком порядке.

– Справедливо, – удивил он меня. – Ты первая.

Я закрыла глаза.

Мне уже было не четыре года.

Тогда почему так трудно извиниться?

На кону счастье твоей сестры. Сейчас не время для гордости.

– Прости, что заказала нам не те билеты. Я правда, правда не хотела.

– В таком случае я прошу прощения за то, что опозорил тебя перед твоим дружкой, но оставляю за собой право сделать это снова, если меня спровоцируют, на том основании, что мне не было так весело уже много лет. – Он жестом указал на кресло рядом с собой. – Кофе?

– Пожалуй. – Я села, чувствуя некоторую неловкость.

Дело в том, что я не привыкла, чтобы меня обслуживали. Я всегда был той, кто обслуживал. Тем не менее официантка из прилегающей кофейни пришла принять мой заказ – флэт уайт и французское пирожное, название которого я не могла произнести, но указала на него в меню.

Мне пришлось в голову, что я должна заплатить за еду, и я возненавидела себя за то, что не воспользовалась бесплатным ранним завтраком или круглосуточным буфетом на пляжной палубе, на который у меня хватило гордости скинуться.

Но у меня в кошельке были вчерашние чаевые, так что не пришлось бы подсчитывать трату в ежемесячном листе Excel. Я все еще смогу купить Мишке видеоигру в конце месяца. Скорее всего.

– Итак. Тебе вчера повезло? – не смогла удержаться я от вопроса.

– Если под везением ты подразумеваешь, что мне не пришлось проводить ночь с тобой, то да.

– Ты провел ее с кем-то другим? – спросила я небрежно.

– Да.

Ладно, это не должно было причинить боль. И уж точно не такую, как сейчас. Я была опутана лианами ревности, которые душили меня.

– Мило. Она из наших краев?

– Не уверен. – Круз перевернул еще одну страницу на айпаде. – Она была пятидесятилетней продавщицей «Prada», которая тайно сдала мне свою верхнюю койку на палубе для персонала и предпочла спать с твоим Бренданом, получая при этом огромный процент прибыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.